

ISSN 2218-1393

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ
Российской академии наук

ЛИНГВИСТИКА И МЕТОДИКА
ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Журнал

Сетевое научное издание

Выходит два раза в год

№ 2 (19)

Москва 2023

ISSN 2218-1393

INSTITUTE OF LINGUISTICS
Russian Academy of Sciences

LINGUISTICS AND LANGUAGE TEACHING

Electronic Journal

Published biannually

No. 2 (19)

Moscow 2023

DOI: 10.37892/2218-1393

Издается с 2009 года

Редакционная коллегия

Е. Р. Иоанесян, главный редактор (Институт языкознания РАН)

О. А. Гулыга, отв. секретарь (Институт языкознания РАН)

В. З. Демьянков (Институт языкознания РАН)

П. С. Дронов (Институт языкознания РАН)

А. В. Дыбо (Институт языкознания РАН)

Д. Б. Никуличева (Институт языкознания РАН)

Н. М. Разинкина (Институт языкознания РАН)

Н. К. Рябцева (Институт языкознания РАН)

К. Я. Сигал (Институт языкознания РАН)

И. И. Чельшева (Институт языкознания РАН)

K. Hengst (Universität Leipzig)

R. Libertini (Katólická univerzita v Ružomberku)

W. Mieder (University of Vermont).

Учредитель: Институт Языкознания РАН.

Дата публикации: 28.11.2023.

Телефон редакции: +7 (495) 690-35-85.

Email: lingimetod@iling-ran.ru.

Проблемы описания языка

Language Description

DOI: 10.37892/2218-1393-2023-19-2-4-16

Материалы к Словарю терминов литературной ономастики. Часть 2

Н.В. Васильева (Институт языкознания РАН)

Аннотация

Статья содержит словарные статьи и комментарии из разрабатываемого Словаря терминов литературной ономастики, организованного по тематическим полям/кластерам. Представлен фрагмент тематического поля «Ономастические стратегии/приёмы». Словарные статьи, помимо дефиниции и примеров, содержат тезаурусную часть — список терминов, связанных с заголовочным словом семантическими отношениями, а также развернутый комментарий.

Ключевые слова

Литературная ономастика, терминология, тематическое поле, словарь терминов кластерного типа, тезаурусный подход, семантическая мощность термина

Данная публикация продолжает тему терминологического описания литературной ономастики (далее — ЛО) в виде словаря, построенного по тематическим полям (терминологическим кластерам). Подробное описание принципов подачи материала представлено в статьях [Васильева 2020; Васильева 2022]. Кратко напомним, что на первом этапе терминологический материал структурируется по принципу вхождения в один из терминологических кластеров, а затем получает описание в виде словарных статей, содержащих дефиниционную и тезаурусную части (подробное описание семантических отношений/тезаурусных функций см. [Никитина 1996, 13—29]; кратко они перечислены в [Васильева 2020, 50—52]). Подобием, которое подразумевает само понятие кластеризации, в

данном случае является отнесенность терминов к одной тематической (под)области, сформулированной как признак. По такому принципу было выделено шесть терминологических кластеров (подробнее см. [Васильева 2020, 49—50]), и в настоящей статье будет представлен материал по кластеру/тематическому полю, обозначенному как **Ономастические стратегии / ономастические приёмы**. Под ономастическими стратегиями/приёмами понимаются различные способы обращения с ономастическим материалом, которые используются авторами фикциональных текстов для достижения художественного эффекта. В настоящей публикации представлены словарные статьи терминов *ономастическое двойничество, ономастическое травестирование, ономастическое шаржирование*.

Все рассматриваемые термины имеют в своем составе прилагательное *ономастический*. С помощью таких составных терминов достигается расширение терминологии ономастики, и этот способ образования новых метаязыковых единиц можно обозначить как **апроприацию** терминов из других областей знания и/или общеупотребительного языка с помощью «дисциплинарного» прилагательного. Как правило, это родовое прилагательное *ономастический/онимический/онимный*, но могут быть и видовые, ср. *топонимический, антропонимический*. В метаязыке современной ономастики такой способ образования новых номинативных единиц и новых смыслов, с одной стороны, естественно приводит к увеличению количества терминов и терминоидов; но с другой стороны, с помощью именно этого способа терминообразования манифестируются связи ономастики с другими дисциплинами. Ср. *ономастический концепт, классификатор, ландшафт; ономастическая игра, онимическая связность текста; онимические конфликты, онимический компонент языковой личности* и др.

Итак, словарная статья каждого термина, помещенного в тематическую группу, имеет три макрозоны: 1. Заголовочный термин, англ. эквивалент, дефиниция, факультативно иллюстративный материал; 2. Термины, связанные семантическими отношениями с заголовочным термином (тезаурусная часть); 3. Комментарий в свободной форме.

ОНОМАСТИЧЕСКОЕ ДВОЙНИЧЕСТВО (англ. onymic doubleness). Ономастическая стратегия, используемая создателем текста для номинации персонажей-двойников.

Род: ономастическая стратегия/стратегия ономастической номинации

Род=Целое: двойничество (категория)

Носитель (=выражение): персонаж—двойник, допсельгангер; двойниковая пара

Целое: система персонажей произведения; антропонимикон текста

Вид: таутонимы, гетеронимы; двойники—антагонисты, карнавальные пары, близнецы

Пространство реализации: нарративное пространство текста

Параметр=Инструмент: тождество ИС; модификация ИС; аллюзия; палиндром

Функция: констеллятивная; экспрессивная

Импликация (=условие): тождество ИС, модификация/трансформация ИС, аллюзия

Импликация (=следствие): тандемное именование: пародирование; интертекстуальность

Сфера А (где встречается): фикциональный текст

Сфера В (где изучается): литературная ономастика, стилистика; фольклористика; мифология мифа

Прочее: контексты ложного тождества (qui pro quo)

Комментарий к термину *ономастическое двойничество*

Ономастическое двойничество в пространстве литературных текстов соотносится с категорией двойничества (функция **Род=Целое**), восходящей к мифологическому сюжетному архетипу. Согласно Е.М. Мелетинскому, «сосуществование культурного героя и трикстера в одном лице или в виде двух братьев есть самая древняя форма двойничества»

[Мелетинский 1994, 90]. Двойничеству как одному из кодов культуры и художественной модели познания места человека в мире посвящена монография [Агранович, Саморукова 2001], авторы которой предлагают трехчастную типологию двойников: *двойники—антагонисты, карнавальные пары, близнецы* (функция **Вид**), однако классификация может быть и более дробной. Сам термин *двойник* имеет во многих языках синонимическую номинацию, идущую из эпохи романтизма, — *допельгангер* (нем. Doppelgänger). В данной словарной статье обе номинации связаны с заголовочным термином через функцию **Носитель** (= выражение авторской ономастической стратегии). Персонажи-двойники изначально задуманы как связанные, поэтому их специфическая **Функция** — констеллятивная. Конstellирование персонажей является одной из функций ИС в пространстве ХТ, впервые так названной и описанной немецким литературоведом Дитером Лампингом [Lamping 1983]. Ономастически связанность имен в тексте имеет различное выражение. Для схематического представления возможных типов ономастического конstellирования персонажей можно воспользоваться понятиями *таутонимии*, или тождества имен, и *гетеронимии* — использования разных имен [Васильева 2016, 98—100]. Сами имена будут соответственно обозначаться как *таутонимы* и *гетеронимы* (функция **Вид**). Используя понятия таутонимии и гетеронимии, можно вывести четыре типа корреляций, реализующих стратегию создания ономастических двойников. 1) Таутонимия в чистом виде: $A \leftrightarrow A$. Таутонимами являются *Голядкин-старший* и *Голядкин-младший* в «Двойнике» Достоевского, а также близнецы *Менехмы* в комедии Плавта «Два Менехма» («*Menaechmi*»); у Плавта различение персонажей на ономастическом уровне производится с помощью топонима-локализатора: *Менехм из Эпидамна* и *Менехм из Сиракуз*. 2) Таутонимия с модификацией, когда второй член двойниковой пары является легко прочитываемой модификацией первого: $A \leftrightarrow A_1$. Одной из таких модификаций/ трансформаций (при сохранении тождества) является палиндром, ср. *Оля* — имя героини известной советской повести-сказки Виталия Губарева «Королевство кривых зеркал», имя ее двойника из зеркала — *Яло*. 3) Гетеронимия в чистом виде, т.е. разные имена: $A \leftrightarrow B$. Ин-

терпретация имен двойников в этом случае требует детального анализа, поскольку важными могут быть непрямые констеллятивные признаки, реконструируемые с помощью других персонажей, имена которых служат ключами для раскрытия глубинных нарративных смыслов и связей. Примеры такой ономастической реконструкции на примере западноевропейской и русской литератур приводятся в работах [Bremer 2010, 54—55] и [Фаустов 2019]. 4) Гетеронимия с аллюзией на первое имя или на формулу имени: $A \leftrightarrow B (A)$. Этот прием используется преимущественно для типа двойников, которые выступают парой и неотделимы друг от друга. Цель такого приема — изобразить целое с помощью репликации, сделав тем самым это целое выразительнее и объемнее. Классический пример — пара *Бобчинский* и *Добчинский* в «Ревизоре» Гоголя, которые повторяют и дополняют друг друга. Не столь очевидны *Колин* и *Горноцветов*, два периферийных персонажа в романе «Машенька» В. Набокова, которые упоминаются всегда вместе. В тексте они ни разу не названы по имени, только по фамилии. Однако фамилии, будучи всегда рядом, прочитываются как двучленная формула имени одного человека: *Коля Горноцветов* [Васильева 2016, 100]. Таким образом, в тезаурусной части словарной статьи функция **Импликация** (= условие) заполняется терминами *тождество ИС*, *модификация/трансформация ИС* и *аллюзия*, отражающими четыре отмеченных выше корреляции. В тезаурусную функцию **Прочее** попадает *контекст ложного тождества*, или *qui pro quo*, как наиболее частый эффект игры с двойничеством.

ОНОМАСТИЧЕСКОЕ ТРАВЕСТИРОВАНИЕ (англ. onymic cross-dressing).

Ономастическая стратегия, состоящая в присвоении женского имени мужскому персонажу и наоборот; гендерное онимическое «переодевание» персонажа.

Крестьянин *Елизаветъ Воробей* («Мертвые души» Н.В. Гоголя), шут *Настасья Ивановна* («Война и мир» Л.Н. Толстого), *Штурман Жорж* («Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова), *Петрович* (героиня одноименной фильма-мелодрамы Андрея Красавина, 2012 г.), *Нина Воскресенская* (псевдоним поэта Эдуарда Багрицкого).

Квазисиноним=Род: антропонимическая маска

Род: стилистический приём; ономастическая стратегия; трансонимизация

Вид: мужское имя→женский персонаж; женское имя→мужской персонаж; гендерно смещённый псевдоним; зооним

Целое: антропонимикон текста

Параметр=Инструмент: онимический гендерный сдвиг

Конечный объект/Результат операции: ономастически травестированное имя; «ономастический оксюморон»; псевдоандроним, псевдогинеконим; андрогинное имя

Носитель: персонаж; писатель (псевдоним)

Импликация (= условие): дистрибуция национального имени по роду; антропонимические стереотипы

Импликация (=следствие): эффект обманутого ожидания; гротеск; пародирование; интертекстуальность

Функция: экспрессивная; людическая; сюжетообразующая

Сфера А (где встречается): фикциональный текст; литературный процесс

Сфера В (где изучается): стилистика художественного текста; литературная ономастика

Прочее: ономастический контекст; ономастическая инструментовка

Комментарий к термину *ономастическое травестирование*

Термин *ономастическое травестирование* принадлежит к числу авторских. Он был введен филологом—славистом Николаем Ивановичем Зубовым, и данное словарное описание базируется в основном на статье [Зубов 1990]; дополнительным источником примеров явилась работа [Дмитриев 1977]. В качестве родовых терминов (функция **Род**) предлагаются три гиперонима, раскрывающие различные стороны ономастического травестирования: с точки зрения стиля — *стилистический приём*, с точки зрения литературной ономастики — *ономастическая стратегия номинации*, с точки зрения механизма

действия приёма — *трансономизация*. В ономастике принято понимание трансономизации как перехода онима одного разряда в другой [Подольская 1988, 138]; в данном случае наблюдается особый ее тип, а именно: смещение номинации без замены денотата, ср. пример классической трансономизации со сменой денотата в указанном словаре: фамилия *Суворов* → город *Суворов*. Ономастическое травестирирование как прием частично пересекается с понятием *антропонимической маски*, подробно разобранным в [Васильева 2022]. Пересечение отмечается в том случае, когда ономастическое «гендерное переодевание» персонажа имеет целью сокрытие/маскировку (функция **Квазисиноним=Род**). Базовым механизмом приема служит *онимический гендерный сдвиг*, который одновременно является его характеристикой (сдвоенная функция **Параметр=Инструмент**). Номинация, являющаяся результатом применения приёма (функция **Конечный объект/Результат**), имеет разные обозначения у разных исследователей, рассуждавших на данную тему: Н.И. Зубову принадлежит *ономастически травестирированное имя*, а также термин «*ономастический оксюморон*», который в силу своей образности может иметь и другие интерпретации, ср. [Калинкин 1999, 366—367]. Также приводятся термины *псевдоандроним*, *псевдогинеконим* и *андрогинное имя* из литературоведческого исследования [Кондакова 2001]. У нас есть некоторые сомнения в их точности, тем не менее, мы их указываем, руководствуясь желанием сблизить метаязыки литературоведческой и лингвистической ономастик. Важной является тезаурусная функция **Импликация**, выступающая для данного термина в двух видах: как условие (имплицитирующее) и как следствие (имплицитируемое). Условием реализации ономастического травестирирования как приема является *гендерная дистрибуция национального именника*: если в языковом сознании отсутствуют соответствующие мужскому и женскому именнику *антропонимические стереотипы*, то приём ономастического травестирирования невозможен. Если такие стереотипы присутствуют, то следствием применения приема ономастического травестирирования становится *эффект обманутого ожидания*, осознание номинации как *пародии* и *гротеска*, а также возникновение *интертекстуальных связей*. В качестве иллюстрации здесь

можно привести пример собаки *Каренин* из «Невыносимой легкости бытия» Милана Кундеры, который мы рассматривали в статье про антропонимическую маску [Васильева 2022]. Гротескность интертекста, которая следует из антропонима *Каренин*, употребленного Кундерой в качестве зоонима, еще больше возрастает, если вспомнить, что собака *Каренин* была женского пола. Как отметил немецкий ономатолог Фолькер Кольхайм, наделяя персонажа именем-маской (любой, в том числе и травестийной), автор произведения превращает это имя в *spiritus movens* сюжета [Kohlheim 2019, 51]. Поэтому в тезаурусное поле **Функция** к экспрессивной и людической функциям добавлена еще сюжетообразующая. В функцию **Прочее** (ассоциативные термины) мы поместили нечеткое, однако употребительное терминологическое выражение *ономастический контекст*, а также еще менее четкое, но весьма образное выражение *ономастическая инструментовка*.

ОНОМАСТИЧЕСКОЕ ШАРЖИРОВАНИЕ (англ. *onymic caricature*). «Вид искажающей сатирической стилизации имен собственных, который предполагает наличие легко узнаваемого прототипа» [Крюкова 2009, 148].

Журнал «Клейбой» («Плейбой»), фамилия *Чушьболтайтис* (Балтрушайтис), *Корнеплодий Чубуковский* (подпись А. Г. Архангельского под пародией на Корнея Чуковского), города: *Борнеаполь* (Барнаул), *Понты-Мансийск* (Ханты-Мансийск), *Коста-дель-Мукша* (Костомукша).

Род: стилизация; ономастическая стратегия

Целое: коммуникативная стратегия косвенности

Инструмент: трансформация (фонетическая, семантическая, структурно-семантическая); бисоциация; интертекстуальная аллюзия

Начальный объект: протоним

Конечный объект/Результат операции: шаржированное имя; дисфемизм

Основная функция: экспрессивная; аксиологическая; экспликативная; людическая

Импликация (= условие): узнаваемость протонима; инферентный вывод

Импликация (= следствие): комический/сатирический эффект; парольность

Сфера А (где встречается): пародийные фикциональные тексты; художественно-публицистические жанры, разговорная речь

Сфера В (где изучается): стилистика, ономастика, коллоквиалистика, социолингвистика

Прочее: ономастический вкус, ономастическая мода

Комментарий к термину *ономастическое шаржирование*

Дефиниция термина *ономастическое шаржирование* приводится в виде цитаты, поскольку термин авторский. Он принадлежит Ирине Васильевне Крюковой и подробно описан ею с ономастической и стилистической точек зрения, см. [Крюкова 2009; 2015]. Иллюстрации взяты из статей И.В. Крюковой, а также из словаря [Ахметова 2015] и книги [Дмитриев 1977], содержащих еще много выразительных примеров. Гиперонимом, согласно приведенной дефиниции, является *стилизация* как общий термин стилистики; также гиперонимом выступает *ономастическая стратегия* (функция **Род**). В тезаурусную функцию **Целое** отнесена *коммуникативная стратегия косвенности*, поскольку ономастическое шаржирование связано с непрямой номинацией объекта [Крюкова 2009, 149]. О типах коммуникативных стратегий, в том числе игровых, см. [Иссерс 2015]. Тезаурусная функция **Инструмент** включает термины *трансформация*, *бисоциация*, *интертекстуальная аллюзия*. Способы трансформации протонима могут быть различными [Крюкова 2009, 148], однако для реализации эффекта (комического, сатирического и пр.) необходима узнаваемость протонима, в противном случае получается коммуникативный провал. Ономастическое шаржирование обладает общими чертами с приемами, относящимися к сфере языковой креативности, механизмом действия которых является *бисоциация*. Термин возник за пределами лингвистики, его автором считается британский писатель Артур Кёстлер [Koestler 1964], и, согласно своей внутренней форме — *би-* ‘два’ и

часть слова (ас)социация — этот термин-бленд используется для ситуации, когда новый смысл (новая идея) возникает в результате пересечения не связанных между собой ментальных пространств (подробнее про термин со ссылками см. [Васильева 2022а, 11]. В языковой игре, в шутке происходит столкновение двух миров (языковых и/или ментальных пространств), изначально не имеющих между собой ничего общего. Комическое двоемирие, ср. [Радбиль 2017, 190], базируется на бисоциации, возникающей в воспринимающем сознании. Собственно, такой же механизм имеет и *интертекстуальная аллюзия*, также помещенная в поле тезаурусной функции **Инструмент**. Ономастическое шаржирование как операция имеет дело с начальным и конечным объектами, это *протоним* (прототипное имя) и *шаржированное имя*. Для последнего характерен диапазон от дружеского шаржа до *дисфемизма* (см. функции **Начальный объект**, **Конечный объект/Результат**). Тезаурусная функция **Импликация** реализуется в двух видах: как условие (имплицитное) и как следствие (имплицитное). *Узнаваемость протонима* представляет собой *conditio sine qua non* данного приема, поэтому можно говорить о помещении в поле функции **Импликация** (= условие) более широкого понятия *инферентный вывод*, характеризующего интерпретацию на основании различных, в том числе прагматических, социокультурных и др. данных. Следствием применения приёма ономастического шаржирования (функция **Импликация**=следствие), помимо комического/сатирического эффекта, может быть *парольность*, т.е. выражение принадлежности к «своему» сообществу с помощью маркирования «особых» трансформаций (ср. парольную функцию в жаргоне). Следует отметить, что ономастическое шаржирование как приём встречается широко (см. функцию **Сфера А**) и изучается в разных лингвистических дисциплинах: стилистика, ономастика, социолингвистика, коллоквиалистика (**Сфера В**). В ассоциативное поле термина (функция **Прочее**) мы поместили выражение *ономастический вкус* и *ономастическая мода* как сопутствующие и контролирующие ономастическое шаржирование понятия.

В качестве общего комментария к рассмотренным терминам отметим следующее. В предыдущей публикации было введено понятие *семантической мощности термина* [Васильева 2022], которое характеризует количество семантических партнеров у заголовочного термина, появляющихся в тезаурусной части словарной статьи. Источником семантически связанных терминов являются научные тексты. В данном случае два из трех рассмотренных терминов являются авторскими, и детальность их описания в текстах-источниках послужила тому, что семантическая мощность терминов оказалась вполне достаточной для представления в тезаурусной части словарной статьи. Таким образом, структурирование терминологии литературной ономастики, основанное на текстах и ориентированное на точку зрения авторов текстов, представляется вполне возможным, несмотря на мультифилологизм этой дисциплины.

Список сокращений

ЛО — литературная ономастика

ИС — имя собственное

ХТ — художественный текст

Источники

Ахметова М. В. От А-Аты до Ярска: словарь неофициальных названий населенных пунктов. М.: ФОРУМ, 2015.

Дмитриев В.Г. Скрывшие свое имя: из истории анонимов и псевдонимов. Москва: Наука, 1977.

Литература

Агранович С.З., Саморукова И.В. Двойничество. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2001.

Васильева Н.В. Персонажи-двойники как объект (психо)ономастики // Вопросы психолингвистики. 2016. № 2 (28). С. 96—105.

Васильева Н.В. О терминологических границах литературной ономастики // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Журнал научных публикаций. Электронное научное издание. М.: ИЯз РАН, 2020. № 2 (13). С. 44—55 // https://iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2020_13_2/3.pdf.

Васильева Н.В. Материалы к словарю терминов литературной ономастики // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Журнал научных публикаций. Электронное научное издание. М.: ИЯз РАН, 2022. № 2 (17). С. 28—47 // https://iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2022_17_2/2.pdf.

Васильева Н.В. Игра статусов: об одном текстообразующем приеме с участием собственных имен (на материале рассказа Татьяны Толстой «Глупости всякие») // VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал. 2022а. № 1(3). С. 8—17.

Зубов Н.И. Ономастическое травестирование как стилистический прием: к вопросу о значимости имени собственного в художественной литературе // Шоста республіканська ономастична конференція 4—6 грудня 1990 року: Тези доповідей і повідомлень. Т. 1. Одеса: Ін-т мовознавства ім. О.О. Потебні, 1990. С.115—120.

Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 7-е изд., стер. М.: КомКнига, 2015.

Калинкин В.М. Поэтика онима. Донецк: Юго-Восток, 1999.

Крюкова И.В. Ономастическое шаржирование // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология. Материалы международной научной конференции Екатеринбург, 8—12 сентября 2009 г. / Отв. ред. Е. Л. Березович. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. С. 147—149.

Крюкова И. В. Стилистическое варьирование астионимов в современной городской лингвокультуре (по материалам словаря «Языки русских городов») // Известия Волгоградского государственного педагогического университета, 2015. № 3 (98). С. 134—138.

Мелетинский Е.М. О литературных архетипах. М.: РГГУ, 1994.

Никитина С.Е. Предисловие // Никитина С.Е., Васильева Н.В. Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. М.: Институт языкознания РАН, 1996. С. 3—31.

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1988.

Радбиль, Т. Б. Язык и мир: Парадоксы взаимоотражения. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2017.

Фаустов А.А. Литературные двойники как семиотическая проблема // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика, 2019. № 3. С. 73—77.

Bremer D. Der Doppelgänger und sein Name // Namenkundliche Informationen, 2010. № 97. S. 41—73.

Koestler A. The Act of Creation. London: Hutchinson, 1964.

Kohlheim V. Der Name in der Literatur / Unter Mitarbeit von R. Kohlheim. Heidelberg: Winter, 2019.

Lamping D. Der Name in der Erzählung. Zur Poetik des Personennamens. Bonn: Bouvier, 1983 (=Wuppertaler Schriftenreihe Literatur, 21).

Materials for the Glossary of Literary Onomastic Terms. Part 2

**N.V. Vasilyeva (Institute of Linguistics,
Russian Academy of Sciences)**

The paper deals with several dictionary entries and commentaries for the Glossary of Literary Onomastics Terms under development, organized according to the terminological clusters or thematic terminological fields. The paper presents a fragment of the thematic field «Onomastic Tools». The terms are described using the thesaurus approach, i.e. with explicitly represented semantic relation.

Keywords: literary onomastics, terminology, cluster-type dictionary of terms, thesaurus approach, semantic power of a term.

Термины-мифоэпонимы: проблемы понимания и интерпретации

Н.В. Васильева (Институт языкознания РАН),

**Т.В. Тритенко (Московский государственный
медико-стоматологический университет им. А.И. Евдокимова)**

Аннотация

Рассматриваются эпонимические термины в языке клинической психологии, включающие в свою структуру имя мифологического и/или литературного персонажа — мифоэпонимы. Обосновывается необходимость выделения их в отдельный тип на основе глубинных семантических отношений между ономастическим и апеллятивным компонентами термина, которые представляют собой отношение образца или прототипа. При этом образец не является статическим, а представляет собой, как правило, целый мифологический нарратив. Проблема понимания подобных терминов связана не только с профессиональным знанием, но и со знанием текстов культуры. Для исследования степени усвоения профессионального знания, репрезентированного в мифоэпонимах, представлена методика кросспрофессионального анкетирования, включающего оценку термина с позиций двух профессиональных групп: студентов-филологов и студентов-медиков. Проведенное анкетирование продемонстрировало, с одной стороны, постепенное вымывание культурной информации из профессиональной сферы; с другой стороны, послужило критерием оценки когнитивной корректности термина.

Ключевые слова

Эпонимический термин, мифоэпоним, кросспрофессиональное анкетирование, культурная составляющая профессиональной сферы

*Светлой памяти Валентины Федоровны Новодрановой,
ученого, учителя, друга*

В настоящее время в отечественном терминоведении отмечается интерес исследователей к эпонимическим терминам, т.е. к терминам, содержащим в своем составе имя собственное (*теорема Ферма, закон Вернера, защита Нимцовича, болезнь Штрюмпелля—Бехтерева—Мари, дальтонизм*). Среди многочисленных разрядов специальной лексики такие термины занимают особое место, поскольку сочетают в себе признаки двух лексических классов — терминов и собственных имен. Существует достаточное количество описаний подобных терминов в различных научных областях, особенно в области медицины, ср. [Варнавская, Ефимова 2017], [Гаранин, Гаранина 2019], а также обобщающих работ на эту тему [Лейчик 2011], [Какзанова 2015]. Полный обзор проблематики не входит в наши задачи. Подчеркнем только, что к настоящему времени в терминоведении определился круг проблем, связанных с эпонимическими терминами в разных областях знания. Помимо выделения корпуса данных терминов, обсуждается проблема их синонимии, а также затрудненная проблема их перевода. Весьма существенным является для данного типа терминов нормативный аспект, а именно: плюсы и минусы с точки зрения аккумулирования и передачи специальной информации, решительно формулируемые некоторыми исследователями как *pro et contra*, ср. название работы [Сложеникина, Звягинцев 2017]. Однако не все аспекты, связанные с эпонимичностью как особого способа создания термина, нашли свое рассмотрение.

В данной статье мы обратимся к терминам-эпонимам, которые представлены в языке клинической психологии и эпонимичность которых связана не с фамилиями открывших то или иное явление людей («авторские», или «фамильные» эпонимы), а с мифологическими и/или литературными персонажами (*комплекс Электры, комплекс Терсита, синдром Медеи, синдром Мюнхгаузена*). Такие единицы специальных подязыков в разных работах именуется терминами-мифологизмами, терминами-мифонимами [Попова 2013], мифологическими терминами, терминами с мифологическим компонентом, ср. [Варнавская, Ефимова 2014; 2017] или терминами с компонентами-мифонимами

[Шабурова, Южакова 2021]. Мы предложили для них обозначение **мифоэпоним** [Васильева, Тритенко 2017]. Основанием для выделения таких терминов в особый тип послужило следующее. Обычно при анализе терминов-эпонимов основное внимание уделяется частеречному статусу компонентов этого терминологического комплекса, или терминологического «синлекса», а не отношениям между компонентами. Между тем именно в отношениях между компонентами терминов-эпонимов можно найти основания для их типологизации. Так, по своей поверхностной структуре терминов *теорема Ферма* и *синдром Мюнхгаузена* формально абсолютно идентичны: А + ИСgen, т.е. нарицательное имя существительное (или в рамках ономастической терминологии — апеллатив) (А) плюс имя собственное в генитиве (ИСgen). Разницу в отношениях между компонентами двух идентичных на уровне поверхностной структуры терминов следует искать в глубинной структуре. На основе глубинного семантического представления в эпонимичности как категории вторичной номинации можно выделить две базовых разновидности. В «авторских» («фамильных») эпонимических терминах, т.е. таких, которые закрепляют за явлением имя открывшего его человека, глубинные семантические отношения между компонентами сложного целого можно представить как **агентивно-фактитивные** (проприальный компонент *Ферма* выполняет роль агенса, а апеллативный компонент *теорема* — фактитива, т.е. участника ситуации, не существовавшего до события, которое было вызвано к жизни агенсом) [Васильева, Виноградов 2009, 73]. Внутри мифоэпонима глубинные семантические отношения носят иной характер. В терминах, *синдром Мюнхгаузена*, *комплекс Электры* отношения между ономастическим и апеллативным компонентами являются **прототипически-экземплификативными**, т.е. представляют собой отношение образца или прототипа. За собственным именем в данном случае стоит, как правило, цельный нарратив, т.е. дискурс о носителе имени. Например, миф об Эдипе (термин *Эдипов комплекс*), легенда о тиране Поликрате (*Поликратов комплекс*), библейский текст (*синдром Агасфера*), авторский художественный текст (комплекс *Ромео и Джульетты*). В данном случае терминологическая номинация формируется на основе **дискурсивно за-**

данного референта [ibid., 74]. Можно обратить внимание в этой связи на проблему так называемых нарративных значений собственных имен, обсуждаемую в рамках философии [Ивлева, Черняк 2020]. При этом для успешного функционирования эпонимического термина, подобно термину *синдром Мюнхгаузена*, *синдром Диогена* совершенно неважно, существовал ли носитель имени в действительности (о последнем подробнее см. [Васильева, Тритенко 2021]). Важным является то, что дискурсивная интерпретация его поступков позволяет терминотворческой личности при создании термина соединить это имя с некоторой совокупностью признаков описываемого научного понятия.

Таким образом, для исследователя-терминолога открывается возможность сопоставления **мифологического комплекса**, в котором, согласно концепции И.И. Ковалевой, выделяются **имя, образ и повествование** [Ковалева 1995], с дефиницией эпонимического термина и последующих выводов о различных способах отражения этого комплекса [Васильева 2010, 260]. При этом интересно посмотреть, в какой степени знание, заключенное в античных мифах и других текстах культуры, достигает сознания специалиста-медика, усваивающего профессиональное знание, «упакованное» в мифоэпонимы. С этой целью этого была разработана методика *кросспрофессионального анкетирования*. Известно, что в социологии и психологии существует понятие кросспрофессиональной экспертизы, когда объект, созданный в рамках одной профессиональной системы, оценивается с позиций другой профессиональной системы, например, психолог оценивает педагогическую деятельность [Саркисян 2009]. В рамках поставленных задач кросспрофессиональное анкетирование предполагает, что один объект — мифоэпонимы — будет оцениваться с позиций двух профессиональных групп.

Первый раз такое кросспрофессиональное анкетирование было проведено Т.В. Тритенко в рамках диссертационного исследования [Тритенко 2011], а затем повторено в 2023 г. В обоих случаях целевыми группами были студенты-филологи (33 человека в 2011 г. и 19 человек в 2023 г.) и студенты-медики (38 человек в 2011 г. и 24 человека в 2023 г.), которым предъявлялись анкеты, содержащие термины-мифоэпонимы. Анкеты

содержали одни и те же термины, включающие мифологические имена, но задания были сформулированы по-разному. Филологам предлагалось прочесть названия патологических состояний, относящихся к сфере клинической психологии, и постараться сформулировать своими словами характер этого болезненного состояния и/или его основные признаки, в чем им должны были помочь мифологические, библейские и литературные имена, входящие в состав термина (предположительно, хорошо им известные).

Студентам-медикам предлагались те же названия патологических состояний, содержащие в своем составе собственные имена, но с дефинициями. Предлагалось ответить на вопросы, кем являются мифологические персонажи (например, *Электра* — дочь микенского царя Агамемнона) и какие, по их мнению, черты характера или эпизоды жизни этого персонажа повлияли на то, чтобы включить его имя в медицинский термин.

Список терминов-мифологизмов, предъявляемый в обоих случаях, включал 14 единиц: *синдром Агасфера, комплекс Антигоны, синдром Геры, геростратизм, комплекс Каина, комплекс Клитемнестры, комплекс Медеи, синдром Мидаса, синдром Мюнхгаузена, нарциссизм, синдром Персефоны, комплекс Поликрата, комплекс Терсита, синдром Эльпенора*. В задачи анкетирования входила интерпретация терминологической номинации сквозь призму культурного компонента, однако аспект для двух фокус-групп, как это следует из сформулированных заданий, был разным. Для филологов нужно было определить прозрачность/непрозрачность мифонимов при проекции их на медицинский термин, т.е. условно реконструировать характерные особенности медицинского синдрома или комплекса на основе знания истории персонажа. Для студентов-медиков, наоборот, прозрачность/непрозрачность выявлялась на основе дефиниции термина, т.е. предлагалось на основании профессионального знания о синдроме/комплексе интерпретировать образ/историю мифологического персонажа, имя которого присутствует в названии синдрома/комплекса (более подробно см. [Тритенко 2011], [Васильева, Тритенко 2017]).

Непрозрачными мифонимами в списке оказались *Мидас* и у филологов, и у медиков и на первом, и на втором этапах анкетирования. Во втором еще добавился *Эльпенор*.

Терсит, Поликрат и Эльпенор просто оказались для части респондентов неизвестными, а известный персонаж *Мидас* попал в этот список по другой причине — из-за того, что его имя было присвоено синдрому, свойственному женщинам, и наложение когнитивной матрицы не выявило очевидных схожих линий и признаков. Таким образом, мы можем, опираясь на данные анкет, говорить о некотором **векторе** кросспрофессиональной интерпретации терминов-мифоэпонимов клинической психологии: от возможности правильной интерпретации (100 %) (ср. *комплекс Антигоны*) до полной недоступности для правильной интерпретации (ср. *синдром Мидаса*).

Для подведения итогов кросспрофессионального анкетирования вычислялся балл когнитивной корректности термина-мифоэпонима на основе оценки когнитивного содержания термина представителями двух фокус-групп. Ответ на каждый стимул в каждой анкете оценивался по двум параметрам, каждому из которых приписывалось значение «2» (правильно), «1» (не совсем правильно, т.е. попадание в некоторое поле значений, которое близко к правильному) или «0» (неправильно). В качестве параметров для оценки термина у студентов-филологов были следующие: 1) правильное выделение признаков/черт характера персонажа; 2) максимально приближенное к медицинскому определение термина. Если респондент верно описывал персонаж, но никак не формулировал признаки синдрома или комплекса, то он получал 2 балла. Если описание признаков приближалось к медицинскому, то также 2 балла. Если хотя бы минимально описывались признаки, то респондент получал 1 балл. Для студентов-медиков параметрами оценки термина-мифоэпонима были следующие: 1) знание персонажа, 2) выделение признаков (черт характера, эпизодов). Таким образом, максимальное количество баллов за каждый ответ равнялось «4». Если ответы были неправильными, ставилась оценка «0». Если приблизительными, то ставился 1 балл. Таким образом, за ответ могли быть получены баллы 4 — 2 — 1 — 0. Оценивался каждый ответ в каждой анкете, затем подсчитывался средний балл.

В представленном для кросспрофессионального анкетирования списке терминов-мифоэпонимов (см. выше) было 11 персонажей греческой мифологии (мифологических фигур и исторических, но мифологизированных персонажей), два библейских персонажа (*Агасфер* и *Каин*) и один литературный персонаж (*Мюнхгаузен*). При оценке в баллах отмечались лучшие результаты у студентов-медиков. Высокие баллы у медиков свидетельствуют о том, что мифологическое имя хранится в культурной памяти не в виде прецедентного имени, а в виде **прецедентного текста**, т. е. человек, знающий мифологическое имя, знает и связанные с ним элементы мифа. По крайней мере, это было так в анкетуемых группах. Высокий балл в анкетах студентов-медиков получили оба раза имена *Агасфер*, *Антигона*, *Гера*, *Герострат*, *Каин*, *Медея*, *Мидас*, *Мюнхгаузен*, *Нарцисс*, *Персефона*. Это свидетельствует о хорошем общекультурном фоне, по крайней мере, опять же в анкетуемой аудитории. Ближе к периферии оказалась *Клитемнестра*, неизвестен был ее статус супруги Агамемнона. Нулевой балл получили три персонажа — *Поликрат*, *Терсит* и *Эльпенор*. Поликрат — тиран острова Самос, о котором рассказал Геродот. Поликрат отличался необыкновенной удачливостью и боялся зависти богов. Терсит и Эльпенор — второстепенные персонажи гомеровских поэм. Эти персонажи не вошли в список известных респондентам-медикам мифоэпонимов, а это значит, что носящие эти имена комплексы и синдром не содержат для них никаких мотивировочных признаков. Термин-мифоэпоним, содержащий мифологическое имя, не несущее никакой информации, когнитивно сближается с термином-эпонимом, содержащим фамилию врача или ученого, о котором специалисту также ничего не известно. «Эпонимы маркируют научный концепт, — отмечала В.Ф. Новодранова, — но не отражают его концептуальных признаков, они только дают сигнал для восстановления концепта в сознании специалиста» [Новодранова 2010, 439]. Таким образом, об особой когнитивной (когнитивно-ориентирующей) функции мифоэпонимов можно говорить только в случае знания медиком элементов мифологического комплекса (имя — образ — нарратив) [Тритенко 2010]. В противном слу-

чае термин-мифоэпоним будет просто номинативной этикеткой, и культура не будет просвечивать сквозь научное знание.

Проблема вымывания культурной составляющей из профессиональной сферы волнует представителей мировой медицинской науки. Так, профессор истории медицины Аксель Каренберг образно называет мифологических персонажей, давших имя термину, «героями без паспорта» (Helden ohne Pass) [Karenberg 2005]. «Паспортом» в данном случае выступает вся культурная информация, стоящая за мифологическим героем, которая, к сожалению, в современном обществе исчезает. А. Каренберг называет для этого следующие причины: 1) глобализационные процессы в обществе, затрагивающие и научную сферу; 2) вызванная этими процессами интернационализация терминологии, основой выступает уже не латынь, а английский язык; 3) информационная компрессия (рост аббревиатур); 4) утрата медицинским миром классического образования (латынь, древнегреческий, античная культура); 5) эрозия смысла существующих терминов (например, *нарциссизм*) [Karenberg 2005].

Таким образом, кросспрофессиональное анкетирование, объектом которого являются мифоэпонимы, а в качестве фокус-групп выступают, с одной стороны, представители медицинской науки, а с другой — филологи как профессионалы и как носители общекультурного знания, можно считать одним из возможных инструментов оценки **когнитивной корректности терминов**. Подчеркнем, что при едином списке терминов анкетирование в двух группах носило разную семиологическую направленность. Для филологов, отгадывающих чужие термины, это была реконструкция в **сигнификативной сфере**, а для медиков, узнающих имена, это была операция в **номинативной сфере**. Все это лишний раз подтверждает тезис, что термины нужно **понимать**, а имена нужно **знать**.

В заключение отметим, что проведенное исследование позволило, на наш взгляд, наглядно продемонстрировать типы взаимовлияния общекультурного и специального знания [Новодранова 2008], что в настоящее время является не только задачей когнитив-

ного (антропоцентрического) терминоведения, но и одной из важных задач практического обучения студентов-медиков. Именно поэтому все чаще стали звучать голоса специалистов, призывающих к изучению культурологической составляющей медицинской терминологии. Обосновывается важность изучения античной культуры для понимания значения медицинских терминов [Шабурова, Южакова 2021, 473—474], разрабатываются специальные курсы медицинского терминоведения. Именно к такому синтезу специального и общекультурного знания всегда стремилась Валентина Федоровна Новодранова, много лет посвятившая науке и преподаванию и воспитавшая многих учеников, которые всегда будут хранить о ней благодарную память.

Источники

Тополянский А. В., Бородулин В. И. Синдромы и симптомы в клинической практике: эпонимический словарь-справочник. М.: Эксмо, 2009.

Тритенко Т.В. Толковый словарь культурологических терминов клинической психологии. Учебное пособие / Под ред. В.Ф. Новодрановой. 2—е изд. М.: Изд-во «Клио», 2020.

Хайруллин В.И. (Ред.). Фобии: Терминологический словарь (английский, русский, польский, татарский языки). М.: URSS. 2014.

Литература

Варнавская Е. В., Ефимова Т.В. Мифологические имена собственные в языке медицины // Многоуровневая языковая подготовка специалистов в высшей школе: проблемы и перспективы развития: Труды IV Междунар. науч.-практ. конф. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2014. С.133—136.

Варнавская Е.В., Ефимова Т.В. Морфологические особенности эпонимов // Научно-медицинский вестник Центрального Черноземья. 2017. № 68. С. 113—120.

Васильева Н.В. Эпонимический термин сквозь призму мифологического нарратива // Non multum, sed multa: Немного о многом. У когнитивных истоков современной

терминологии: Сб. науч. трудов в честь В.Ф. Новодрановой. М.: Авторская академия, 2010. С.254—261.

Васильева Н.В., Виноградов В.А. Заметки об эпонимах // Современные тенденции в лексикологии, терминоведении и теории LSP. Сборник научных трудов. Посвящается 80-летию Владимира Моисеевича Лейчика. М.: Изд-во МГОУ, 2009. С. 72—74.

Васильева Н.В., Тритенко Т.В. Мифоэпонимы в зеркале кросспрофессионального анкетирования // Межкультурная ↔ интракультурная коммуникация: прецедентный текст в коммуникации. Материалы Международной научно-практической конференции (г. Уфа, 15-16 декабря 2017 г.) / Отв. ред. Е.Ф. Тарасов. Уфа: РИЦ БашГУ, 2017. С. 43—48.

Васильева Н.В., Тритенко Т.В. Синдром Диогена: имя в культуре и в медицинском термине // Когнитивные исследования языка. Вып. № 2 (45): Знаки языка и смыслы культуры: сборник научных трудов, посвященный памятного юбилею Вероники Николаевны Телия / отв. ред. выпуска М.Л. Ковшова. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2021. С. 122—131.

Гаранин А. А., Гаранина Р. М. О месте эпонимов в современной медицинской терминологии // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16. № 3. С. 110—124.

Ивлева М.Л., Черняк А.З. О нарративных значениях собственных имен // Вопросы философии. 2020. № 4. С. 20—30.

Какзанова Е.М. Имя собственное в термине. М.: Галлея-Принт, 2015.

Ковалева И.И. Миф: повествование, образ и имя // Литературное обозрение. 1995. № 3. С. 92—94.

Лейчик В.М. Обсуждение проблем эпонимии в современной науке // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия. Вып. 1. Ростов-на-Дону: Донское книжное издательство, 2011. С. 134—142.

Новодранова В.Ф. Соотношение обыденного и научного знания в профессиональной коммуникации // Материалы Международного конгресса по когнитивной лингвисти-

ке. Тамбов: Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, 2008. С. 635—637.

Новодранова В.Ф. Роль языковой личности в формировании научного текста // В пространстве языка и культуры: Звук, знак, смысл: Сб. в честь 70-летия В.А. Виноградова. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 437—443.

Потапова А.С. Термины-мифонимы в языке медицины // Бюллетень медицинских интернет-конференций (БМИК). 2013. №11 // <https://cyberleninka.ru/article/n/terminy-mifonimy-v-yazyke-meditsiny> (дата обращения: 12.10.2023).

Саркисян Ю.В. Понятие профессионализма в проблемном поле социологии профессий // Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии. № 4 (79). Нижний Новгород, 2009. С. 99—103.

Сложеникина Ю.В., Звягинцев В.С. Термины-эпонимы: pro et contra // Научно-техническая информация. Серия 2: Информационные процессы и системы. М.: ВИНТИ РАН. 2017. № 7. С.32—35.

Тритенко Т.В. К вопросу о когнитивных основаниях терминообразования в клинической психологии // Non multum, sed multa: Немного о многом. У когнитивных истоков современной терминологии: Сб. науч. трудов в честь В.Ф. Новодрановой. М.: Авторская академия, 2010. С.435—439.

Тритенко Т.В. Мифологические образы в языке клинической психологии. Дисс. ... канд. филол. наук. М.: Институт языкознания РАН, 2011.

Шабурова К. П., Южакова С. В. Компоненты-мифонимы в сложных клинических терминах (на материале названий навязчивых страхов) // Актуальные вопросы современной медицинской науки и здравоохранения: Материалы VI Международной научно-практической конференции молодых учёных и студентов, посвященной году науки и технологий. [Электронный ресурс], Екатеринбург, 8—9 апреля 2021 г. Екатеринбург: Изд-во УГМУ, 2021. Том 3. С.471—474.

Karenberg A. Amor, Äskulap & Co. Klassische Mythologie in der Sprache der modernen Medizin. Stuttgart, New York: Schattauer Verlag, 2005.

Mytho-Eponyms: Issues of Understanding and Interpretation

**N.V. Vasilyeva (Institute of Linguistics,
Russian Academy of Sciences),**

**T.V. Tritenko (A.I. Yevdokimov Moscow
State University of Medicine and Dentistry)**

This article deals with eponymous terms in the language of clinical psychology, which incorporate the name of a mythological and/or literary character, referred to as mytho-eponyms. The necessity of categorizing them as a distinct type is justified basing on the profound semantic relationships between the onymic and appellative components of the term, representing a relationship of a model or prototype. The model, in this context, is not static but generally constitutes an entire mythological narrative. The challenge in understanding such terms is not only linked to professional knowledge but also to the awareness of cultural texts. To assess the extent of assimilating professional knowledge represented in mytho-eponyms, a methodology for cross-professional surveying is presented. This method includes evaluating the term from the perspectives of two professional focus groups: philology students and medical students. The survey demonstrated, on the one hand, a gradual washout of cultural information from the professional sphere and the erosion of cultural meanings. On the other hand, it served as a criterion for assessing the cognitive accuracy of the term.

Keywords: Eponymous term, mytho-eponym, cross-professional survey, cultural component of the professional sphere.

Полифония, эвиденциальность, адмиратив как компоненты семантики языковых выражений (на примере перевода монолога Раскольникова — отрывка из романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» — на французский язык).

О.А. Гулыга (Институт языкознания РАН)

Аннотация

Настоящая статья представляет собой попытку показать, что литературоведческое понятие полифонии по М.М. Бахтину в трактовке русского литературного текста (монолог Раскольникова из романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание») при лингвистической трактовке можно понимать как неграмматический способ отражения смыслов ‘эвиденциальность’ и ‘адмиратив’. Мы приводим также примеры оформления данных смыслов при переводе монолога Раскольникова на французский язык.

Ключевые слова

Лингвистическая полифония, эвиденциальность, адмиратив, переводоведение, дискурсивные слова, русский язык, французский язык.

1. Кратко о темах, вынесенных в заголовок

Полифония, эвиденциальность и адмиратив обычно рассматриваются по отдельности. Однако возможен и подход, объединяющий их, ср. [Anscombre et al. 1993, 7]. Понятие полифонии связано с интерпретацией устного или письменного текста как речевого произведения не только физически создавшего его говорящего как очевидного и явно существующего участника речевого акта или участника ситуации. Наряду с голосом поверхностного автора текст разными способами отражает присутствие в своём содержании и отличных от автора субъектов сознания. Категория или семантический элемент ‘эвиденциальность’ связаны с передачей в поверхностной структуре сведений об источ-

нике сообщаемых фактов — личный опыт и чувственное восприятие говорящего, сон, знание, передаваемое в рамках языкового коллектива, знание с чужих слов и т.п.

Обобщая, можно сказать, что эвиденциальность определяется как лингвистически выраженная отсылка к источнику знания, служащего основанием для построения говорящим утверждения о реальной или воображаемой действительности. Понятие эвиденциальности включает в себя представление о семантическом различии между ‘лично засвидетельствованном’ или ‘непосредственно полученном’, и ‘опосредованно воспринятом’ знании. Второй вид знания разделяется на ‘логически выведенное’ и ‘воспринятое с чужих слов’ (hearsay evidence). На начальных этапах использования понятия эвиденциальности в него включалась семантическая категория адмиратива. Однако в [De Lancey 1978, 1979] автор показывает, что по данным типологии категория адмиратива (в английской традиции mirative), отражающая удивление, неподготовленность говорящего, неожиданность и контрастность нового знания, которое говорящий выражает в своём высказывании, представляет собой отдельное явление. Скотт Деланси обобщает адмиративную семантику как грамматическое отражение контраста между сложившейся целостной картиной действительности во внутреннем мире говорящего и новой информацией, не встроенной в эту картину.

2. О полифонии в лингвистике и литературоведении

В настоящее время существуют разнообразные представления о лингвистической полифонии. Лингвисты ряда стран работают в русле этого направления, есть романская, германская, скандинавская школы. На объяснительную силу самого концепта лингвистической полифонии одним из первых обратил внимание Освальд Дюкро [Ducrot 1984, 19]. Как пишет О.Дюкро, в течение предшествующих двух столетий языкознание в неявном виде опиралось на постулат о том, что у каждого высказывания есть ровно один автор.

Представление о художественной картине мира, созданной с единственного ракурса имела и в литературоведении до тех пор, пока М.М. Бахтин не сформулировал свою концепцию полифонии в литературном произведении. О том, что термин «полифо-

ния» заимствован из сферы музыки как метафора, М.М. Бахтин писал: «Но эту метафору мы превращаем в термин «полифонический роман», так как не находим более подходящего обозначения. Не следует только забывать о метафорическом происхождении нашего термина» [Бахтин 2002, 30].

Как пример приведём пример литературной полифонии по Бахтину [Бахтин 2002, 86]. В произведениях литературы с полифонической композицией мы слышим несколько независимых голосов. Существенно, что эти голоса равноправны, ни один из них не имеет преимущества над другими. По Бахтину, радикальный переворот, совершённый Ф.М. Достоевским, состоял в том, чтобы чужое «я» в произведении стало не всего лишь объектом исследовательского интереса писателя, а полноправным субъектом со своей точкой зрения и внутренним миром. В частности, М.М. Бахтин пишет: «Раскольников только что получил подробное письмо матери с историей Дуни и Свидригайлова и с сообщением о сватовстве Лужина. А накануне Раскольников встретился с Мармеладовым и узнал от него всю историю Сони. И вот все эти будущие ведущие герои романа уже отразились в сознании Раскольникова, вошли в его сплошь диалогизованный внутренний монолог, вошли со своими «правдами», со своими позициями в жизни, и он вступил с ними в напряженный и принципиальный внутренний диалог, диалог последних вопросов и последних жизненных решений. Он уже с самого начала все знает, все учитывает и предвосхищает. Он уже вступил в диалогические соприкосновения со всей окружающей его жизнью. Приведенный нами в отрывках диалогизованный внутренний монолог Раскольникова является великолепным образцом микродиалога: все слова в нем двуголосые, в каждом из них происходит спор голосов» [Там же].

Переходя к полифонии в лингвистике, отметим, что О.Дюкро в своих работах строит концепцию полифонии, отличную от той, что применяется при рассмотрении художественных текстов. В [Ducrot 1984], [Ducrot 1981] вводится различие между фигурами Говорящего (locuteur) и Автора высказывания (énonciateur), точками зрения, неявно включёнными во внутренний план высказывания, соотношение субъектов сознания и то-

чек зрения. Маркерами полифонии лингвистических выражений могут служить логические операторы, такие как отрицание, различные внешние проявления так называемых субъектов сознания или фигур второго плана, дискурсивные слова, см. [Гулыга 2019].

Разновидностью полифонических высказываний может быть, например, несобственно-прямая речь. Присутствие одновременно звучащих голосов обнаруживается и в достаточно древних текстах, например, в Псалтири, когда, произвольно чередуясь, друг за другом следуют слова Бога, слова автора — царя Давида, обобщённых грешников и праведников, где нет обязательного единственного говорящего. У несобственно-прямой речи один создатель — автор произведения, однако здесь допустимо включение высказываний неявных говорящих, например, уже известных действующих лиц или обобщённых // неопределённых персонажей, которые никак формально не обозначены, но их можно узнать, хотя и не всегда, по содержанию их речи. В несобственно-прямую речь свободно включаются лексические и синтаксические элементы прямой речи (дискурсивные слова, междометия, восклицательные и предложения, риторические вопросы). Приведём пример из «Горя от ума» А.С. Грибоедова:

София

Позвольте, батюшка, кружится голова;

Я от испуги * дух перевозжу едва;

Изволили вбежать вы так проворно,

Смешалась я...

Фамусов

Благодарю покорно,

Я скоро к ним вбежал!

Я помешал! я испужал!

Я, Софья Павловна, расстроен сам, день целый

Нет отдыха, мечусь как словно угорелый.

Курсивом выделены фразы, автором которых является не совсем София, а скорее Фамусов, который саркастически воспроизводит её попытки оправдываться.

3. Эвиденциальность

Эвиденциальность, как уже говорилось выше, это грамматическая категория, базовое значение которой — указание на источник информации, которая позволила говорящему утверждать то, что он утверждает. Например, видел ли говорящий в реальности ситуацию, о которой идёт речь, или он основывается на фактах, но сделал логический вывод из того, что дано, или знает о ситуации с чужих слов, см. [Aikhenvald, 2006, 320]. Языки варьируют в отношении того, сколько источников информации можно включить в граммулы категории эвиденциальности. Многие языки различают лишь информацию из личного опыта и опосредованную, другие маркируют канал получения информации о событии. Сообщение о лично увиденном событии, имеющее специфичный показатель в составе глагола-сказуемого, занимает высокую позицию по шкале достоверности. Лично услышанное или воспринятое другими органами чувств уже ниже по достоверности, часто не отличается от информации с чужих слов.

4. Косвенные способы выражения эвиденциальности

У языков, не имеющих грамматической категории эвиденциальности, соответствующие смыслы могут выражаться косвенно. Например, это могут быть формы наклонения — *conditionnel* (испанский, французский), времени — имперфект (испанский, цахурский языки, см. [Guencheva, Landaburu 2007]), специальные лексемы (*reportedly*, *allegedly*, английский язык), эпистемические глаголы пропозициональной установки (*знать*, *видеть*, *помнить*, русский язык), см. [Лунина 2020], императив + глагол-сказуемое несовершенного вида (русское, детское, игровое *Давай ты была сестрёнка, а я была сестра. Давай, ты не знала, где наша квартира*). Специальные, можно сказать, заимствованные у других глагольных категорий, средства выражения неграмматической эвиденциальности в немецком и романских языках разбираются, например, в [Haßler 2015]. Здесь можно провести аналогию с событиями рассказа Гилберта К. Честертона

«Сапфировый крест», в котором отец Браун, преследуя преступника, значимым образом меняет назначение привычных бытовых вещей: пересыпает соль в сахарницу, меняет местами ценники у торговца на лотках и т.д.

5. Адмиратив

Адмиратив выражает реакцию на новую, неожиданную и нелогичную с точки зрения уже имеющейся у реципиента картины мира информацию. Поскольку человек, получивший такую информацию, к ней не готов, адмиративные значения часто сопровождаются эмоциональными компонентами.

6. Монолог Раскольникова. Ф.М. Достоевский. Роман «Преступление и наказание»

Ниже мы рассмотрим фрагмент романа (глава 4), о котором речь уже шла выше, и предложим свою интерпретацию. Мы считаем, что весь этот текст не является образцом полифонического решения нарратива, в отличие от М.М. Бахтина, который по поводу этого же отрывка писал: «Приведенный нами в отрывках диалогизованный внутренний монолог Раскольникова является великолепным образцом микродиалога: все слова в нем двуголосые, в каждом из них происходит спор голосов» [Бахтин 2002, 86]. Нам представляется более правдоподобным считать, что если голоса и звучат, то всё же не как равноправные голосу самого Раскольникова и не как самостоятельно участвующие в полифонии. Они звучат в аффективном пересказе Раскольникова, и более приемлемо было бы понимать большинство элементов этого текста как эвиденциальные или адмиративные. Ниже жирным шрифтом выделены эвиденциальные элементы, представляющие собой отсылки к источнику информации — письму матери. Эти элементы представляют собой по большей части либо дискурсивные слова, либо не прямое эмоциональное, главным образом саркастическое, цитирование того, что было в письме, например, с частицей *де-ска-ть*. С учётом этого материала представляется оправданным подход И.А. Мельчука, который считает адмиратив и пробабилитив (возможность) граммемами категории реактивности: ‘реакция говорящего на факт с точки зрения вероятности этого факта’ [Мель-

чук 1998, 104]. Ниже жирным шрифтом мы выделили элементы, которые в нашем представлении отражают значения категории реактивности. Слова с неотделяемой частицей – *то* представляют собой аналоги слов с определённым артиклем, что мы видим в их переводных эквивалентах при переводе на французский, т.е. –*то* маркирует либо уже известную из письма и активированную информацию, либо просто общеизвестную информацию, которая всем понятна и без письма. Как увидим ниже, при нормативном грамматическом оформлении определённым артиклем французских существительных-эквивалентов полностью теряются эмоциональные коннотации русских лексем с частицей –*то*. Есть здесь и примеры цитирования, которые сам автор выделяет курсивом или кавычками, и примеры оценки, сарказма, вызванных именно реакцией на непредвиденные обстоятельства, и аргументативные маркеры.

«Письмо матери его измучило. Но относительно главного, капитального пункта сомнений в нем не было ни на минуту, даже в то еще время, как он читал письмо. Главнейшая суть дела была решена в его голове и решена окончательно: **«Не бывать этому браку, пока я жив, и к черту господина Лужина!»**

«Потому что это дело очевидное, — бормотал он про себя, ухмыляясь и злобно торжествуя заранее успех своего решения. — Нет, мамаша, нет, Дуня, не **обмануть** меня вам!.. **И еще извиняются**, что моего совета не попросили и без меня дело решили! **Еще бы!** Думают, что теперь **уж и** разорвать нельзя; **а посмотрим**, льзя или нельзя! **Отговорка-то** какая капитальная: „**уж такой, дескать**, деловой человек Петр Петрович, **такой** деловой человек, что и **жениться-то** иначе не может, как на почтовых, чуть не на железной дороге“. Нет, Дунечка, всё вижу и знаю, о чем ты со мной **много-то** говорить собираешься; знаю и то, **о чем ты всю ночь продумала, ходя по комнате, и о чем молилась перед Казанскою Божией матерью, которая у мамыши в спальне стоит. На Голгофу-то** тяжело всходить. Гм... Так, **значит, решено уж** окончательно: за делового и рационального человека изволите выходить, Авдотья Романовна, имеющего свой капитал (**уже имеющего** свой капитал, это солиднее, внушительнее), **служащего в двух ме-**

стах и разделяющего убеждения новейших наших поколений (как пишет мамаша) и, „*кажется, доброго*“, как замечает сама Дунечка. Это *кажется* всего великолепно! И эта же Дунечка за это же *кажется* замуж идет!.. **Великолепно! Великолепно!**..

...А любопытно, однако ж, для чего мамаша о „**новейших-то поколениях**“ мне написала? Просто ли для характеристики лица или с дальнейшею целью: задобрить меня в пользу господина Лужина? О хитрые! Любопытно бы разъяснить еще одно обстоятельство: до какой степени они обе были откровенны друг с дружкой, **в тот день и в ту ночь**, и во всё **последующее** время? **Все ли слова** между ними были прямо произнесены, или обе поняли, что у той и у другой одно в сердце и в мыслях, так уж нечего вслух-то всего выговаривать да напрасно проговариваться. **Вероятно, оно так отчасти и было**; по письму видно: мамаше он показался резок, *немножко*, а наивная мамаша и полезла к Дуне с своими замечаниями. А та, **разумеется**, рассердилась и „**отвечала с досадой**“. **Еще бы!** Кого не взбесит, когда дело понятно и без наивных вопросов и когда решено, что уж нечего говорить. **И что это** она пишет мне: „Люби Дуню, Родя, а она тебя больше себя самой любит“; **уж не угрызения ли** совести ее самое втайне мучат за то, что дочерью сыну согласилась пожертвовать. „**Ты наше упование, ты наше всё!**“ О мамаша!..» Злоба накопилась в нем всё сильнее и сильнее, и если бы теперь встретился с ним господин Лужин, он, кажется, убил бы его!

«Гм, это правда, — продолжал он, следуя за вихрем мыслей, крутившимся в его голове, — это правда, что к человеку надо „**подходить постепенно и осторожно, чтобы разузнать его**“; но господин Лужин ясен. Главное, „**человек деловой и, кажется, добрый**“: шутка ли, **поклажу взял на себя, большой сундук на свой счет доставляет!** Ну как же не добрый? **А они-то обе, невеста** и мать, мужичка подряжают, в телеге, рогожею крытой (**я ведь так ездил!**)! Ничего! **Только ведь** девяносто верст, „**а там преблагополучно прокатимся в третьем классе**“, верст тысячу. **И** благоразумно: по одежке протягивай ножки; **да вы-то, господин Лужин, чего же?** Ведь это ваша невеста... **И не могли же** вы не знать, что мать под свой пенсион на дорогу вперед занимает? **Конечно,**

тут у вас общий коммерческий оборот, предприятие на обоюдных выгодах и на равных паях, значит, и расходы пополам; хлеб-соль вместе, а табачок врозь, по пословице. **Да и тут деловой-то** человек их поднадул немножко: **поклажа-то стоит** дешевле ихнего проезда, **а пожалуй**, что и задаром пойдет. **Что ж они обе не видят, что ль**, этого аль нарочно не замечают? И ведь довольны, довольны! **И как подумать**, что это только цветочки, а настоящие фрукты впереди! **Ведь тут что** важно: тут не скупость, не скалдырничество важно, а *тон* всего этого. **Ведь** это будущий тон после брака, пророчество... **Да и мамаша-то** чего ж, однако, кутит? С чем она в **Петербург-то** явится? С тремя целковыми аль с двумя „билетиками“, как говорит та... старуха... гм! **Чем же жить-то** в Петербурге она надеется **потом-то**? **Ведь она уже по каким-то** причинам успела догадаться, что ей с Дуней *нельзя* будет вместе жить после брака, **даже и** в первое время? **Милый-то** человек, наверно, как-нибудь тут *проговорился*, дал себя знать, хоть мамаша и отмахивается обеими руками **от этого**: „Сама, дескать, откажусь“. **Что ж она, на кого же** надеется: на сто двадцать рублей пенсионера, с вычетом на долг Афанасию Ивановичу? **Косыночки она там зимние вяжет, да нарукавнички вышивает** (здесь порядок слов отражает соотношение ‘известное’/ ‘неизвестное’ — комментарий наш, О.Г.), глаза свои старые портит. **Да ведь** косыночки всего только двадцать рублей в год прибавляют к **ста двадцати-то рублям**, это мне известно. **Значит, все-таки** на благородство чувств господина Лужина надеются: „Сам, дескать, предложит, упрасивать будет“. **Держи карман! И так-то вот всегда** у этих шиллеровских прекрасных душ бывает: до последнего момента рядят человека в павлиньи перья, до последнего момента на добро, а не на худо надеются; и хоть предчувствуют оборот медали, но ни за что себе заранее настоящего слова не выговорят; коробит их от одного помышления; обеими руками от правды отмахиваются, до тех самых пор, пока разукрашенный человек им собственноручно нос не налепит. **А любопытно**, есть ли у господина Лужина ордена; об заклад бьюсь, что Анна в петлице есть и что он ее на обеды у подрядчиков и у купцов надевает. **Пожалуй**, и на свадьбу свою наденет! А впрочем, черт с ним!...».

Французский перевод данного отрывка.

Cette lecture l'avait profondément ému. Quant au point principal, **cependant**, il n'en douta pas un instant, **même** pendant qu'il lisait la lettre. La question en elle-même était résolue pour lui et résolue définitivement : « **Ce mariage** ne se fera pas tant que je vivrai, et au diable le sieur Loujine ! » « Car c'est évident », murmurait-il, souriant et supputant d'avance, avec méchanceté, le succès de sa décision. « Non, la maman, non, Dounia, vous ne m'abuserez pas ! ... Et elles cherchent encore à s'excuser de **ne m'avoir pas demandé mon avis et d'avoir décidé l'affaire sans moi ! Comment donc !** Elles pensent qu'il n'est plus possible de rompre maintenant ; possible ou pas possible nous le verrons bien ! Quelle excuse capitale ; « Car c'est un homme d'affaires, Piotr Pétrovitch, un homme tellement affairé qu'il ne peut se marier autrement qu'en chaise de poste, voire en chemin de fer ». Non, Dounétchka, **je vois tout** et je sais **tout** ce que tu as à me dire ; **je sais à quoi** tu as réfléchi toute la nuit en marchant de long en large dans la chambre, et pour qui tu as prié devant l'icône de Notre Dame de Kasan qui se trouve dans la chambre à coucher de la maman. Il est bien dur de gravir **le Golgotha**. Hum... **Ainsi donc**, c'est décidé définitivement : vous épousez un homme d'affaires, un homme positif, Avdotia Romanovna, un homme qui possède son capital propre (qui possède déjà son capital propre, cela fait plus posé, plus impressionnant) ; il travaille dans deux entreprises et il partage les convictions de nos dernières générations (comme écrit la maman) et il est « **croit-elle** », **bon**, comme remarque Dounia elle-même. **Ce « croit-elle »** c'est plus splendide que tout ! Et **cette même** Dounétchka va épouser ce « **croit-elle** » ! **Splendide ! Splendide !** « ... Curieux, quand même, pourquoi la maman m'a raconté ces « **nouvelles générations** » ? Est-ce simplement pour définir le personnage, ou dans un but plus éloigné : me disposer favorablement à l'égard de Loujine ? Ah ! Les malignes ! Il serait curieux d'élucider une circonstance encore : jusqu'à quel point se sont-elles ouvertes l'une à l'autre, **ce jour-là, cette nuit-là**, et pendant tout le temps qui a suivi ? Tous les mots ont-ils été prononcés entre elles, ou bien toutes deux ont-elles compris qu'elles ont la même chose sur le cœur et dans l'esprit, qu'il n'y a plus rien à dire et qu'il est inutile de parler. C'était probablement bien ainsi, on voit ça à la lettre. Il a semblé rude à la

maman, un peu, et, la naïve maman, ne va-t-elle pas faire des réflexions à Dounia ! Et celle-ci, évidemment, s'est fâchée et a répondu avec quelque dépit : **Comment donc !** Qui ne se mettrait en rage quand l'affaire est évidente, sans tergiversations possibles, alors que c'est déjà décidé, et qu'il est inutile de parler. Et que m'écrit-elle là : « Aime Dounia, Rodia, car elle t'aime plus qu'elle-même... », n'est-ce pas le remords qui la tourmente secrètement, le remords de s'être résolue à sacrifier sa fille à son fils. « Tu es notre espoir, tu es tout pour nous ! » Ah ! la maman ! ... » La colère montait en lui de plus en plus et s'il avait en ce moment rencontré M. Loujine, il lui semblait qu'il l'aurait tué. « Hum, c'est vrai, continua-t-il, suivant le tourbillon de sa pensée, c'est vrai que, pour connaître quelqu'un, « il faut prendre contact progressivement et prudemment » ; mais M. Loujine est clair. Surtout, c'est « **un homme affairé, et, croit-elle, bon** » : ce n'est pas une paille, **il prend le transport des bagages sur soi, il fait parvenir le grand coffre à ses frais !** Comment ne serait-il pas bon ? Et elles deux, la fiancée et la mère, louent un moujik, avec une télègue couverte de nattes (je sais comment cela va, làbas !). Ce n'est rien ! Il n'y a que quatre-vingt-dix verstes, « et de là, nous continuerons très bien en troisième classe », quelque mille verstes. Et c'est raisonnable : bien obligé de faire avec ce que l'on a. **Mais, M. Loujine, et alors quoi ? Elle est quand même votre fiancée...** Et vous ne pouviez pas ne pas savoir que la mère emprunte de l'argent sous la garantie de sa pension ! **Évidemment**, vous avez ici une affaire commerciale commune, une entreprise à avantages absolus et à parts égales, alors, les frais par moitié : le pain et le sel en commun mais le tabac séparément, d'après le dicton. Pour **ce cas-ci**, l'homme d'affaires les a tant soit peu trompées : le bagage coûte moins cher que leur transport personnel et **sans doute, même**, ne lui coûtera-t-il rien du tout. Ne voient-elles donc rien, ou ne veulent-elles pas voir ? Et penser que ce ne sont là que de petites fleurs, et que les véritables fruits sont encore à venir ! Quelle est la question importante, ici ? Ce n'est nullement l'avarice, la rapacité, mais le ton de tout cela. Car c'est cela, l'avenir, c'est ce qui sera après le mariage, ceci est augural... Et la maman, pourquoi triomphe-t-elle, en somme ? Avec quoi va-t-elle arriver à Petersbourg ? Avec trois roubles d'argent ou avec deux « billets » comme dit l'autre..., la vieille... hum ! De quoi espère-t-elle vivre à

Petersbourg, ensuite ? Car elle a déjà pu deviner, je ne sais selon quels indices, qu'il lui sera impossible de vivre avec Dounia après les noces, même au début. Le cher homme s'est sans doute trahi ici, il a fait ses preuves, quoique la maman s'en soit défendue, « mais, dit-elle, je refuserai ». À quoi pense-t-elle ? Sur qui compte-t-elle ? Sur les cent-vingt roubles de la pension, à diminuer de la dette à Aphanassi Ivanovitch ? Elle tricote bien ces fichus d'hiver et elle brode des manchettes en usant ses vieux yeux. Mais ces fichus-là n'augmentent la pension que de vingt roubles par an, je le sais bien, moi. **Alors c'est quand même** sur la noblesse de M. Loujine qu'elles comptent : « Il m'invitera de lui-même », **il te suppliera sans doute**. Compte dessus ! Et c'est ainsi que cela se passe chez ces admirables âmes à la Schiller : elles vous ornent le personnage de plumes de paon, jusqu'au dernier moment ; elles comptent sur le bien et non sur le mal, quoiqu'elles pressentent le revers de la médaille, mais jamais elles ne se diront le mot véritable : sa seule pensée les crispe, elles se défendent de la vérité des pieds et des mains jusqu'à ce que le personnage ainsi orné leur pose lui-même un crapaud dans l'assiette. Il serait curieux de savoir si M. Loujine est décoré ; je parie qu'il a l'ordre de Sainte-Anne, et qu'il le porte aux dîners d'entrepreneurs et de marchands. Et il le portera sans doute au mariage !

7. Заключение

Как показывает соотношение выделенных текстовых элементов, экспрессия в русском варианте выражена намного значительнее, чем во французском. Что касается звучания многих голосов, выраженности полифонии в русском тексте, всё же голос и тон здесь один — самого Раскольникова, которому автор романа даёт лексические, дискурсивные и даже просодические средства для выражения эвиденциальности и адмиратива.

Источники

Честертон, Гилберт. Сапфировый крест.//Исследование отца Брауна. М.: Издательство «АСТ», 2015.

Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание // Собрание сочинений в 15-ти томах. Т. 5 // Л.: Наука, 1989.

Dostoyevski, Fiodor Mikhailovitch. Crime et châiment.
http://www.bouquineux.com/index.php?telecharger=88&Dosto%3%AFevski-Crime_et_ch%3%A2timent.

Литература

Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 6. Проблемы поэтики Достоевского. 1963.
М.: Русские словари. Языки славянской культуры, 2002.

Гулыга О.А. О типах антропоцентрических элементов в семантике дискурсивных слов (на материале французского и русского языков) // Научный диалог, 2019 № 9. С. 41 — 55. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-41-55.

Майсак Т.А., Мерданова С.Р. Категория эвиденциальности в агульском языке // Кавказоведение. 2002, № 1. С. 102 — 112.

Майсак Т.А., Татевосов С.Г. Пространство говорящего в категориях грамматики, или Чего нельзя сказать о самом себе // Вопросы языкознания, 2000 №5, С. 68 — 80.

Лунина Т.П. О средствах выражения косвенной эвиденциальности в русском языке // Известия ВПГУ. Филологические науки, № 1. Волгоград, 2020.
<https://cyberleninka.ru/article/n/o-sredstvah-vyrazheniya-kosvennoy-evidentsialnosti-v-russkom-yazyke>.

Aikhenvald A.Ya. Evidentiality in Grammar. (PDF) Evidentiality in Grammar (researchgate.net)

Anscombre, Jean-Claude; Oppermann-Marsaux, Evelyne; Somolinos, Amalia Rodriguez. Médiativité, polyphonie et modalité en Français. Paris: Presses Sorbonne Nouvelle, 1993.

DeLancy, Scott. Mirativity: The grammatical marking of the unexpected information. Linguistic Typology, 1997, 1/1.

DeLancy, Scott. The Mirative and Evidentiality. Paper presented at 6th Pragmatics Conference, Reims, 19 — 24 July, 1998.

Ducrot, Oswald. Les mots du discours. Paris: Editions de Minuit, 1981.

Ducrot, Oswald. *Le dire et le dit*. Paris: Editions de Minuit, 1984.

Haßler, Gerda. Evidentiality and the expression of speaker's stance in Romance languages and German // *Discourse Studies*, 2015. Vol 17, № 2.

Polyphony, evidentiality, mirativity as semantic features. Case study of Raskolnikov's monologue from «Crime and Punishment» by F.M. Dostoyevsky translated into French

**O.A. Gulyga (Institute of Linguistics,
Russian Academy of Sciences)**

The article deals with contrasting polyphony in literature and the same notion in linguistics. As exemplified by the Russian fiction in F.M. Dostoyevsky's *Crime and Punishment*, the present study reveals that the polyphonic character of the text can be also treated as evidentiality and/or reactional response combined with mirativity. In order to compare the capacity of expressions of the mentioned categories, a translation of the text extract is being balanced against Dostoyevsky's original text.

Keywords: linguistic polyphony, evidentiality, mirativity, translation study, discourse words, Russian language, French language.

**Лингвоспецифичные слова, их заимствование и проблема их перевода
(на примере германизмов *Angst* и *Schadenfreude*, а также малаизма *amok*)**

П.С. Дронов (Институт языкознания РАН)

Аннотация

Статья посвящена анализу лингвоспецифичных слов как источника заимствований на материале германизмов *Schadenfreude* ‘злорадство’ и *Angst* ‘экзистенциальный страх’, а также малаизма *amok* ‘исступление’. С помощью одноязычных и параллельных корпусов исследуется их употребление в немецком, английском и русском языках, изучаются их семантические изменения.

Ключевые слова

Семантика, безэквивалентная и лингвоспецифичная лексика, заимствования, параллельные корпусы.

Лингвоспецифичная лексика и фразеология исследуются в течение долгого времени, ср. труды А. Вежбицкой, например, [Вежбицкая 2001], знаменитую монографию «Ключевые идеи русской языковой картины мира» [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005], работы по этнопсихолингвистике и лакунологии [Сорокин, Марковина, Крюков и др. 1988; Марковина, Сорокин 2008]. Помимо этого, лингвоспецифичная лексика и фразеология изучалась с применением параллельных корпусов, ср. [Добровольский 2020; Парина 2020; Сичинава 2014].

Анна А. Зализняк выделяет четыре основных типа отсутствия межъязыкового семантического изоморфизма на примере русского и английского языков:

- I) а. подтип РУКА (англ. *hand* vs. *arm*);
- б. подтип ПРАВДА — ИСТИНА (англ. *truth*);

II) тип САМОВАР (переводной эквивалент отсутствует; используется заимствованное слово или описательное определение);

III) тип РАЗЛУКА (имеется один преимущественный вариант перевода, но он неточный);

IV) тип ТОСКА (имеется несколько приблизительно равновероятных вариантов перевода, все неточные) [Зализняк 2015].

Тип II представляет собой безэквивалентную лексику, причем «Главная особенность безэквивалентной лексики состоит в том, что она чаще всего подвергается заимствованию — в результате чего, слово, естественно, утрачивает свой безэквивалентный статус в языке-источнике. Однако часто бывает так, что при заимствовании значение слова сдвигается, и межъязыковая эквивалентность снова нарушается» [Там же]. В переводных эквивалентах единиц типов III и IV не хватает какого-то семантического компонента или присутствует лишний.

В данной статье мы рассмотрим проблему перевода английских лексем *angst*, *schadenfreude* и *amok*. Первые две представляют собой заимствования из немецкого языка, третья — заимствование из малайского.

Angst. В толковом словаре немецкого языка Дуден это слово получает толкование ‘mit Beklemmung, Bedrückung, Erregung einhergehender Gefühlszustand [angesichts einer Gefahr]; undeutliches Gefühl des Bedrohtseins’ (‘эмоциональное состояние [перед лицом опасности], сопровождаемое беспокойством, депрессией, возбуждением; неясное ощущение угрозы’) [Duden]. В английском языке это слово употребляется в значении ‘a strong feeling of worry and unhappiness’ (‘сильное чувство волнения и недовольства’) [Cambridge]. Согласно сетевому этимологическому словарю английского языка [Etymonline], оно стало популярно в начале XX в. после перевода трудов Зигмунда Фрейда, но воспринималось как чужеродное до 40-х гг. XX в. (‘it was popularized in English early 20c. by translation of Freud’s work, but as a foreign word until 1940s’’).

Выбор *Angst* обусловлен тем, что оно считается одним из лингвоспецифичных слов немецкого языка — см., например, работу А. Вежбицкой [Wierzbicka 1998]. Ср. толкования *Angst* и его контекстуального синонима *Furcht*, составленные на языке семантических примитивов:

«*Angst* (e.g. *X hatte Angst vor dem Hund/vor der Prüfung*, ('X feared the dog/exam')

sometimes a person thinks something like this:

I don't know what will happen

many bad things can happen to me

I don't want these things to happen

I don't know what I can do

because of this, this person feels something bad for some time

person X felt something like this»

‘иногда человек думает:

Я не знаю, что случится

со мной может случиться много плохого

я не хочу, чтобы оно случилось

я не знаю, что делать

из-за этого человеку плохо какое-то время

человек X почувствовал нечто подобное’.

«*Furcht* (e.g. *X fürchtete sich vor dem Hund*/vor der Prüfung*, ('X feared the dog/*exam')

person X thought something like this about something:

something can happen to me because of this

I don't want this to happen

I don't know what I can do

when X thought this, X felt something bad»

‘человек X подумал нечто подобное о чем-то:

что-то может случиться со мной из-за этого

я не хочу, чтобы оно со мной случилось

я не знаю, что делать

когда Х это подумал, Х-у стало плохо' [Wierzbicka 1998, 169—170].

В диахроническом корпусе американского варианта английского [СОНА] примеры до 50-х гг. содержат или *Angst* (во фразах на немецком языке), или *angst* как сокращение от *angstrom* 'ангстрем'.

Первый пример освоенного употребления в американском английском датирован 1957 г.:

(1) *Now as he sat and rolled his hot brow against the cool window pane, his Angst was suddenly interrupted by a voice in the seat beside him saying explosively, "Jesus H. Christ!"*, 'Когда он сел и прислонился к прохладному стеклу горячим лбом, его беспокойные размышления были внезапно прерваны голосом с соседнего сидения, громко и с чувством произнесшим: «Господи ты Боже мой!»' [1957; FIC; Max Shulman. *Rally Round the Flag, Boys!*; СОНА].

Здесь *Angst* пишется с прописной буквы, т.е. сохраняется частичная связь с немецкой орфографией; в дальнейшем *angst* начинает употребляться без какого-либо выделения.

Об окончательном освоении слова в современном английском свидетельствует возникновение производных слов, в том числе по модели словослияния: в английском субстандарте появляются бленды *mangst* (*manly angst* 'мужской страх') и *wangst* (*whiny angst* 'страх нытика') [TV Tropes].

Рассмотрим употребление *Angst* в параллельных корпусах.

В немецких и русских параллельных текстах *Angst* получает эквивалент *страх* или *бояться* (в случае с сочетанием *Angst haben*). Это характерно для переводов как с русского на немецкий, так и с немецкого на русский:

(2) **a.** *За судьбу Церкви Божией я не боюсь.* — *Für das Schicksal der Kirche Gottes habe ich keine Angst* [Вестник Германской епархии РПЦЗ, № 1 [ABBYY LingvoPRO] (2011) | Der Bote, No. 1 (2011); НКРЯ]. **b.** «*Falls du wegen des Balls Angst hast, Gwendolyn — das verstehen wir*» — *Если ты боишься идти на бал, Гвендолин, мы можем это понять.* [Kerstin Gier. Smaragdgrün (2010) | Керстин Гир. Изумрудная книга (С. Вольштейн, 2013); НКРЯ].

Параллельный корпус показывает изоморфизм значений слов *Angst* и *страх* (разумеется, не взаимный, поскольку русскому *страх* соответствует также *Furcht*: «*Es ist ihre größte Furcht, dass Makel sichtbar werden und das nach außen dargestellte grandiose Selbstbild ins Wanken kommt*» vs. «*Их самый большой страх — в том, что будут видны их недостатки и созданная ими грандиозная картина даст трещины*» [Jana Hauschild. Ist mein Partner ein Narzisst? [Spektrum] (7.11.2019) (inosmi.ru, 2019)]). Следует оговориться: в данной работе мы не ставим перед собой цели показать синонимию или квазисинонимию *Furcht* и *Angst*.

Что касается русско-английского и англо-русского параллельного корпуса, здесь *angst* имеет самые разные переводческие эквиваленты: помимо *страх* и непосредственного заимствования *ангст* (например, *existential angst* — экзистенциальный «ангст»), встречаются варианты *ненавистный* (англ. *angst-ridden* ‘преисполненный «ангста»’), *тоска*.

(3) **a.** *It is just so stupid, everyone exhausting themselves, miserably hemorrhaging money on pointless items nobody wants: no longer tokens of love but angst-ridden solutions to problems.* — *Это все так глупо — все с ног сбиваются, скрепя сердце тратят деньги на бессмысленные, никому не нужные вещи, которые из милых знаков внимания превращаются в ненавистное решение проблемы.* [Helen Fielding. Bridget Jones's Diary (1996) | Хелен Филдинг. Дневник Бриджит Джонс (А. Москвичева, 2000); НКРЯ]. **b.** “*The Pope broke his vow!*” *Mortati looked delirious with angst.* “*Carlo, his love... was CHASTE. He had broken no vow.* — *Папа нарушил клятву!* — *Карло, его любовь... — с тоской произнес Мортати,*

— его любовь была непорочной. Его святейшество не нарушал обета [Dan Brown. Angels and Demons (2000) | Дэн Браун. Ангелы и демоны (Г. Косов, 2004); НКРЯ].

Schadenfreude. В словаре Дуден дается следующее толкование: ‘boshafte Freude über das Missgeschick, Unglück eines andern’ (‘злая радость от несчастья, беды кого-то другого’) [Duden]. В этимологическом словаре английского языка «Etymonline» *schadenfreude* описывается так: “malicious joy in the misfortunes of others,” 1922 as a word in English, German *Schadenfreude*, literally “damage-joy,” <...> (‘злая радость от несчастий других, с 1922 г. в английском, от нем. *Shadenfreude*, букв. ‘вред-радость’) [Etymonline].

Рус. злорадство получает эквивалент *Schadenfreude* в переводах как с немецкого на русский, так и с русского на немецкий, ср. (3а, 3б). В (3с) немецкое словосочетание *sie hatte einen unverkennbar schadenfrohen Blick aufgesetzt* (букв. ‘она наставила [на него] явно злорадный взгляд’) подвергается при переводе лексической и синтаксической трансформации: *в ее взгляде было неприкрытое злорадство.*

(4) **а.** *Такое злорадство не делало мне чести, но что делать, я – человек, а не ангел. — Schadenfreude ist zwar gehässig, aber ich bin ja auch kein Engel, sondern ein Mensch.* [Макс Фрай. Чужак (2004) | Max Frei. Der Fremdling (Anna Serafin, 2007); НКРЯ]. **б.** *«Oh, du siehst wirklich schlimm aus, Reckless!», stellte er nicht zum ersten Mal mit unverhohlener Schadenfreude fest. — У-у, да ты и вправду неважно выглядишь, Бесшабашный, — в который раз отметил он с нескрываемым злорадством.* [Cornelia Funke. Reckless. Steiner-nes Fleisch (2003) | Корнелия Функе. «Бесшабашный» (М. Л. Рудницкий, 2010); НКРЯ]. **с.** *Charlotte saß nahe genug, um ihn zu verstehen, und sie hatte einen unverkennbar schadenfrohen Blick aufgesetzt. — Шарлотта сидела так близко, что могла все слышать, и в ее взгляде было неприкрытое злорадство* [Kerstin Gier. Saphirblau (2009) | Керстин Гир. Сапфировая книга (С. Вольштейн, 2013); НКРЯ].

Злорадство выступает также в качестве переводческого эквивалента для *Häme* ‘злорада’:

(5) *Und dass es russischen Hackern gelungen war, sich in die US-Präsidentenwahl 2016 einzumischen, wurde meist mit Häme begleitet.* — *И факт вмешательства российских хакеров в президентские выборы в США в 2016 году в основном воспринимался со злорадством* [Klaus-Helge Donath. Zukunft eines Machtmenschen [Rheinische Post] (16.12.2019) (inosmi.ru, 2019); НКРЯ].

В русско-английском и англо-русском параллельном корпусе [НКРЯ] *schadenfreude* употребляется всего один раз:

(6) *Вдруг выскочила из-под ворот орава мальчишек с кипами только что отпечатанных «Известий» и с криками: «На одесских буржуев наложена контрибуция в 500 миллионов!»* — *Рабочий захрипел, захлебнулся от ярости и злорадства: «Мало! Мало!».* — *A gang of boys ran up to the gates with heaps of Izvestias hot off the presses, shouting: «Odessa bourgeois are required to pay an indemnity of 500 million!».* *The worker sputtered, choking on rage and Schadenfreude: «It's not enough! It's not enough!»* [Светлана Алексиевич. Время секунд хэнд (2013) | Svetlana Alexievich. Secondhand Time (Bela Shayevich, 2016); НКРЯ].

Судя по параллельным текстам, рус. *злорадство* имеет много различных переводческих эквивалентов, в которых эксплицируются семантические компоненты ‘злоба’, ‘радость’ (7b, 7d), ‘ирония’ (7d).

(7) **a.** *Поддерживайте друг друга. Не давайте повод для злорадства недругам...* — *Support one another. Do not give enemies cause to gloat...* [Светлана Алексиевич. Время секунд хэнд (2013) | Svetlana Alexievich. Secondhand Time (Bela Shayevich, 2016); НКРЯ].

b. *Джудины слезы, а ночью, в южной стороне неба, — далекая дрожащая заря дяди-жениного злорадства, — в октябре Джуди вызвали в одно неприятное место — казенный дом — и предложили сейчас же уехать вон, куда угодно, но только чтобы вон.* — *Judy's tears, and in the southern side of the sky that night, the distant, trembling dawn of Uncle Zhenya's malicious delight — in October Judy was summoned to a certain unpleasant place, an official building, and it was suggested that she be so kind as to get the hell out, go wherever she*

liked, only get lost [Татьяна Толстая. Лимпопо (1990) | Tatyana Tolstaya. Limpopo (Jamey Gambrell, 2007); НКРЯ]. **c.** *'I was just assuming you must have some reason to be so horrible about my boyfriend other than pure malevolence.'* — Я лишь допустила, что у вас должна быть какая-то причина так не любить моего друга, и более веская, чем простое злорадство [Helen Fielding. Bridget Jones's Diary (1996) | Хелен Филдинг. Дневник Бриджит Джонс (А. Москвичева, 2000); НКРЯ]. **d.** *She was sardonically pleased to notice that when they saw that Iofur had discarded his, they didn't know what to do with theirs.* — Она не без злорадства замечала, что после того, как Йёфур бросил куклу, они не знают, как им поступить со своими [Philip Pullman. His Dark Materials: Nothern Lights (1995) | Филип Пулман. Северное сияние (В. Голышев, 2005); НКРЯ].

Иначе говоря, рус. *злорадство* относится (по крайней мере, в паре «русский язык — английский язык») к IV типу (ТОСКА) по классификации А.А. Зализняк. Ср. также замечание Е.Р. Иоанесян относительно семантики слов, обозначающих подобные сильные эмоции:

«Семантика таких слов, как рус. *совестно*, франц. *pudeur* и англ. *mortification* <...>, позволяет предположить, что лингвоспецифичность слов, относящихся к семантическому полю эмоций, может определяться характером ситуаций, способных выступать в качестве причины эмоции, обозначаемой этими словами. Примером подобного рода, как нам представляется, можно считать также рус. *злорадство*, нем. *Schadenfreude*, исп. (разг.) *regodearse*, описывающие чувство радости, причиной которого являются неудачи, горе и т.п., случившиеся с другими людьми. В большинстве языков нет точных эквивалентов для подобного чувства. Следует отметить, что в качестве переводов указанных единиц часто приводятся слова, имеющие значение 'радость', у которых значение 'злорадство' возникает при заполнении валентности причины словами, обозначающими негативные ситуации. Ср., например, следующие две фразы с английским глаголом *gloat*, у которого в словарях, однако, выделяется значение 'злорадство': (183) *In the evenings beside the fire, Gizur marked their progress on the map and gloated* (Elves And The

Otterskin. Boyer, Elizabeth). — *По вечерам у огня Гизур отмечал на карте пройденный за день путь и радовался от души* [АВВУУ]. (184) *I didn't come to gloat over your poverty* (Margaret Mitchell. *Gone with the Wind*, Part 2 (1936)). — *Я пришел сюда вовсе не затем, чтобы злорадствовать по поводу вашей бедности* [НКРЯ]. Очевидно, что в примере (183) английский глагол выступает в значении 'радоваться', а смысл 'злорадство' в (184) порожден наличием компонента *your poverty*» [Иоанесян 2016, 244—245].

Run amok; Amoklaufen; амок. Англ. *amok* имеет малайское и индонезийское происхождение: *mengamuk*, *amuk* 'впадать в ярость, атаковать'. В английский язык слово проникает, по-видимому, через посредство малайско-португальского креольского языка, ср. порт. *amouco*. Как правило, оно употребляется не изолированно, а в качестве именно-го компонента идиомы *to run amok* 'to behave without control in a wild or dangerous manner' ('вести себя бесконтрольно, необузданно и опасным образом') [Cambridge]. В русский язык слово *амок* приходит, по-видимому, благодаря переводу новеллы «Амок» (*Der Amokläufer*) Стефана Цвейга; см. пример (8). Любопытно, что в английском *amok* ударение падает на последний слог (возможно, именно этим ударением и созвучием со словами *mock* 'фальшивый' и *muck* 'грязь' обусловлено устарелое написание *run amock/amuck*), тогда как в рус. *амок* и нем. *Amok* ударение падает на первый. В малайском нет четкого словесного ударения, но есть тенденция к фразовому восходяще-нисходящему тону на последнем или предпоследнем слоге синтагмы [Clynes, Deterding 2011, 265], так что в *mengamuk* и *amuk* ударение может падать и на предпоследний слог, и на последний.

(8) Also Amok... ja, Amok, das ist so: Ein Malaie, irgendein ganz einfacher, ganz gutmütiger Mensch, trinkt sein Gebräu in sich hinein... er sitzt da, stumpf, gleichgültig, matt... so wie ich in meinem Zimmer saß... und plötzlich springt er auf, faßt den Dolch und rennt auf die Straße... rennt geradeaus, immer nur geradeaus... ohne zu wissen, wohin... — О чем я говорил? Об амоке?... Да, амок — вот как это бывает: какой-нибудь малаец, человек простой и добродушный, сидит и тянет свою настойку... сидит, отупевший, равнодушный, вялый... как я сидел у себя в комнате... и вдруг вскакивает, хватает нож, бросает

ся на улицу... и бежит все вперед и вперед... сам не зная куда... [Stefan Zweig. Der Amokläufer (1922) | Стефан Цвейг. Амок (Д. М. Горфинкель, 1926); НКРЯ].

При этом в других примерах *Amoklaufen* переводится как *впасть в ярость/неустовство*, ср.:

(9) *Lord Alastairs Blick wurde, wenn überhaupt möglich, noch kälter und sein Begleiter atmete schwer, wie jemand, der kurz davor ist, Amok zu laufen.* — Взгляд лорда Аластера стал холоднее, если это было вообще возможно, а его спутник тяжело дышал, как кто-то, готовый вот-вот упасть в неустовство [Kerstin Gier. Saphirblau (2009) | Керстин Гир. Сапфировая книга (С. Вольштейн, 2013); НКРЯ].

В параллельном корпусе английскому *to run amok* соответствуют слова и фразеологизмы с семантическими компонентами ‘утрата рассудка’ (*буйство, безумие, исступление*) или ‘отсутствие контроля’ (*безобразничать, как с цепи сорваться*):

(10) **a.** *Soames had done for him — done for him by that act of property that had sent the Buccaneer to run amok that fatal afternoon.* — Сомс погубил его, погубил той выходкой собственника, которая вселила безумие в «пирата» [John Galsworthy. The Man of Property (1906) | Джон Голсуорси. Собственник (Н. Волжина, 1946); НКРЯ]. **b.** *«Every year», said Grandfather. «They run amuck; I let them. Pride of lions in the yard».* — Каждое лето они точно с цепи срываются, — сказал дедушка. — Пусть их, я не против. Вон их сколько, стоят во дворе, как львиный прайд. [Ray Bradbury. Dandelion Wine (1957) | Рэй Брэдбери. Вино из одуванчиков (Э. Кабалевская, 2013); НКРЯ]. **c.** *Я не умею себе дать отчета, что со мной сделалось, в исступленном ли я состоянии нахожусь, в самом деле, или просто с дороги соскочил и безобразничаю, пока не свяжут.* — *I am not quite sure what was the matter with me — whether I was merely stupefied or whether I purposely broke loose and ran amok* [Ф. М. Достоевский. Игрок (1866) | Fedor Dostoevsky. The Gambler (С. J. Hogarth, 1935); НКРЯ].

Рус. *амок* (а также коллокация *впадать в амок*) получает новые оттенки значения: это не только буйное поведение, связанное с отсутствием контроля или нарушением психики (11a, b), но и некая навязчивая идея (11c).

(11) **а.** *Сегодня вавилонский вокзал культуры необозрим. Лишь электронному мозгу под силу ориентироваться в новых именах художников и поэтов, в бурных потоках альманахов, каталогов, антологий, выставок и всевозможных периодик. К тому же политический амок обуял страхом громадный российский континент* [Зана Плавинская. Отражение (2003) // Интернет-альманах «Лебедь», 28.07.2003; НКРЯ]. **б.** *При этом наличие штаба совершенно не означает, что кандидат отправит своим избирателям внятное и красиво оформленное послание. Но несколько повысит шансы на то, что в листовке хотя бы не будет орфографических ошибок. Ну так, чтобы избиратели старой закладки, испорченные всеобщей советской грамотностью, не впадали в амок сразу около почтового ящика* [Агитация без смысла // Известия, 2017.09.08; НКРЯ]. **с.** *Юдифь приготовила славный ужин, а вскоре — лишь несколько дней спустя — такой же обильный и вкусный завтрак. Я приходил к ней ежевечерне, какое-то наваждение, амок, было в то время такое слово* [Леонид Зорин. Юдифь (2008) // «Знамя», 2009; НКРЯ].

Любопытным примером употребления *run amok* является автоперевод повести Владимира Набокова «Отчаяние», выполненный в соавторстве с сыном писателя Дмитрием:

(12) *Я начал было именно этим почерком писать предлагаемую читателю повесть, но вскоре сбился, — повесть эта написана всеми двадцатью пятью почерками, вперемешку <...> — It was in such a hand that I began writing the book now offered to the reader; soon, however, my pen ran amok: this book is written in all my twenty-five hands mixed together <...>* [Владимир Набоков. Отчаяние (1932) | Vladimir Nabokov. Despair (Dmitri Nabokov, Vladimir Nabokov, 1965); НКРЯ].

Здесь *я... сбился* при переводе заменяется на *my pen ran amok* ‘мое перо впало в амок’, т.е. одновременно с заменой компонента автор меняет семантический субъект и

локус контроля; эта трансформация отвечает авторскому замыслу (повествование в романе ведется от лица ненадежного рассказчика).

Выводы. В силу межъязыковых заимствований и трансферов не всегда возможно провести четкую границу между типами II, III и IV по А.А. Зализняк (т.е. между безэквивалентной и подлинно лингвоспецифичной лексикой).

Актуализация различных семантических компонентов при заимствовании приводит к асимметричной эквивалентности; подобный процесс обнаруживается не только в лексике, но и во фразеологии (см. нашу работу [Дронов 2022]).

Источники

НКРЯ — Национальный корпус русского языка // <https://ruscorpora.ru>.

Cambridge — Cambridge English Dictionary // <https://dictionary.cambridge.org/>

COCA — Davies, M. Corpus of Contemporary American English // <https://www.english-corpora.org/coca/>.

COHA — Davies, M. Corpus of Historical American English // <https://www.english-corpora.org/coha/>.

Duden — Das Onlinewörterbuch von Duden // <https://duden.de>.

Etymonline — Online Etymology Dictionary // <https://www.etymonline.com/>.

TV Tropes — TVTropes, the All-Devouring Pop-Culture Wiki // <https://tvtropes.org/>.

Литература

Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001.

Добровольский Д.О. Корпусный подход к исследованию фразеологии: новые результаты по данным параллельных корпусов // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2020. Т. 17. Вып. 3, с. 398—411. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2020.303>.

Дронов П.С. *Пан или пропал*: фразеологические интернационализмы и асимметричная эквивалентность // Когнитивные исследования языка, № 4 (51), 2022, с. 657—661.

Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005.

Зализняк Анна А. Лингвоспецифичные единицы русского языка в свете контрастивного корпусного анализа. / Анна А. Зализняк // По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Москва, 27–30 мая 2015 г.). Вып. 14 (21): В 2 т. Т. 1: Основная программа конференции. М.: Изд-во РГГУ, 2015, с 683—695.

Иоанесян Е.Р. Семантика стыда // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков, № (8), 2016, с. 196—251.

Сичинава Д.В. Использование параллельного корпуса для количественного изучения лингвоспецифичной лексики // Язык, литература, культура: Актуальные проблемы изучения и преподавания. Вып. 10. М., 2014, с. 37—44.

Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю., Крюков А.Н. и др. Этнопсихоллингвистика / отв. ред. Сорокин Ю.А. М.: Наука, 1988.

Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А. Культура и текст. Введение в лакунологию: учебное пособие для студентов, обучающихся по специальностям «Лингвистика и межкультурная коммуникация». М.: ГЭОТАР-Медиа, 2008.

Парина И.С. Применение корпусов параллельных текстов для исследования немецкой фразеологии в сопоставительном аспекте // Русская германистика. Ежегодник Российского союза германистов. Том XVII. М.: Флинта, 2020, с. 166—177.

Clynes A., Deterding D. Standard Malay (Brunei) // Journal of the International Phonetic Association, 41/2, 2011, pp. 259—268. DOI: 10.1017/S002510031100017X.

Wierzbicka A. Angst // Culture & Psychology, 4(2), 1998, pp. 161—188. doi:10.1177/1354067x9800400202.

Language-specific words as loanwords and translation (quasi) equivalents: a case study of the German loanwords *Angst* and *Schadenfreude* and the Malay *amok*

**P.S. Dronov (Institute of Linguistics,
Russian Academy of Sciences)**

The paper analyses language-specific and culture-bound vocabulary as a source of loanwords. A case study of the German loanwords *Schadenfreude* and *Angst*, as well as the Malay loanword *amok* being put forward, the paper scrutinizes their usage in English, German and Russian parallel corpora, with emphasis on their semantic changes and quasi-equivalents in translation.

Keywords: semantics, language-specific and culture-bound vocabulary, loanwords, parallel corpora.

Парентетические конструкции в типологическом аспекте

Е.Р. Иоанесян (Институт языкознания РАН)

Аннотация

Объектом исследования является один класс конструкций с предикатами эпистемического модуса — парентетические конструкции, вопросительные и побудительные. На материале нескольких языков — русского, польского, болгарского, украинского, немецкого, английского, итальянского, испанского и португальского — представлены результаты сопоставительного исследования парентетических конструкций, включающих эпистемические единицы. Также приводятся данные сравнительного исследования парентетических конструкций с матричными конструкциями, включающими вершинные эпистемические предикаты, управляющие зависимой клаузой. Приведены данные сравнения переводов текстов с вводными конструкциями с русского языка на другие языки и переводов иноязычных текстов на русский язык. Анализ переводов иноязычных текстов с матричными конструкциями на русский язык позволил сделать вывод о тенденции замены исходных матричных конструкций на вводные, и, наоборот, при переводе текстов с русского языка с вводными конструкциями о тенденции их замены на матричные.

Ключевые слова

Семантика, парентетические конструкции, предикаты эпистемического модуса, сематическая типология, переводоведение.

I. Вводные замечания

Объектом изучения являются парентетические, вводные конструкции с пропозициональными предикатами, а именно, с предикатами эпистемического модуса — одним из подклассов предикатов пропозициональной установки. Интерес к эпистемическим предикатам обусловлен тем, что они играют большую роль в процессе коммуникации, их функционированием в процессе аргументации. Изучению предикатов эпистемического

модуса посвящено много глубоких философских и лингвистических работ, см., например, [Апресян 2001; Баранов 1990; Anscombe, Ducrot 1976; Banfield 1979; Borillo 1982; Dehé, Wichmann 2010; Kuroda 1973; Martin 1987].

В статье на материале нескольких языков — русского, польского, болгарского, украинского, немецкого, английского, итальянского, испанского и португальского — представлены результаты сопоставительного исследования парентетических конструкций с предикатами эпистемического модуса¹.

II. Материал, методы, обзор

Материалом исследования послужили данные электронных языковых ресурсов и толковых словарей (см. список источников). Изучению вводных, парентетических конструкций посвящено много глубоких и интересных исследований, см., например, [Бабина и др. 2013; Зализняк и др. 1987; Кобозева 1999; Кустова 2020; Кустова и др. 2020; Остромова и др. 2009; Kustova 2020; Dehé et al. 2007; Grossmann 2014; Iordanskaja et al. 2011; Récanati 1984; Urmson 1970]. Методологической базой нашей работы является работа Г.И. Кустовой, опубликованной в 2020 г. [Кустова 2020].

В работе предметом особого рассмотрения были экспрессивные аппеллятивные конструкции, используя которые говорящий выражает возмущение, удивление, радость, а также экспрессивные аппеллятивные конструкции, в которых пропозиция, вводимая говорящим, является цитированием слов другого человека и маркирует ироничное отношение к человеку, чьи слова цитируются.

III. Результаты и обсуждение

Предикаты эпистемического модуса являются одним из подклассов предикатов пропозициональной установки. Эпистемический модус высказывания может эксплицироваться в высказывании целым рядом средств: глаголами знания, восприятия и мнения —

¹ В статье обобщены материалы, представленные в опубликованной ранее статье [Иоанесян 2023], представлены материалы, иллюстрирующие лингвоспецифичность единиц, выступающих в парентетических конструкциях. Приведен обзор и анализ побудительных парентетических конструкций.

глаголами *видеть, знать, понимать, представлять*², глаголами типа *ожидать, надеяться, бояться*, эпистемический статус которых основан на компоненте ‘вероятность’, входящем в их значение.

III.1. Типы вводных конструкций с ЭП

Существует несколько видов вводных конструкций с рассматриваемыми предикатами:

1. Модальные ВК, обозначающие модальный статус пропозиции [Кустова, 2020, с. 71], например: *Они, надеюсь, уже уехали. Вера, боюсь, опоздает. Дети, думаешь, испугались?*

2. Рефлексивные ВК, в которых эпистемические единицы выступают в функции маркирования рефлексии. С. Курода ввел противопоставление двух уровней сознания — нерефлексивного и рефлексивного (более высокий уровень) [Kuroda 1973]. Как показало исследование А. Банфильд, глаголы восприятия, в частности английский глагол *see*, в парентетической позиции выступают в функции маркирования рефлексии, например, *It was raining, she saw* [Banfield 1979, p. 25].

3. Апеллятивные ВК, имеющие иллокутивную функцию — функцию воздействия на адресата, например: *Мы, знаете ли, не очень ему доверяем. Он, видите ли, занят, он не придет!* Именно эти конструкции и являются объектом нашего исследования.

III.2. Апеллятивные вводные конструкции

В качестве материала изучения были выбраны апеллятивные вводные конструкции с эпистемическими предикатами знания, восприятия и мнения нескольких языков — русского, польского, болгарского, украинского, английского, немецкого, французского, испанского, итальянского и португальского.

Отличительным признаком рассматриваемых конструкций является 2-е лицо эпистемического глагола в настоящем времени, при этом они бывают вопросительными и

² К эпистемическим предикатам мы относим также глагол *чуять*: «2. перен., что и с союзом «что». Угадывать, постигать, внутренне ощущать что-нибудь, [ТСРЯ]; «3. перен. разг. Интуитивно предугадывать; предчувствовать [СТСРЯ].

побудительными [Кустова 2020, с. 63; 66]. Например: (а) *А он, понимаете, утверждает, что видел меня в автомобиле!* (В. В. Набоков. Порт (1924)) [НКРЯ]; вопросительная ВК. (б) *Я тебе, знаешь ли, поверил на слово* (Виктор Пелевин. Желтая стрела (1993)) [там же]³; вопросительная ВК. (в) *Вообрази, этот ужасный человек, кажется, и был причиной ее смерти. Говорят, он ее ужасно избил!* (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)) [там же]; побудительная ВК. Мы выделили также экспрессивные аппеллятивные конструкции, например: (а) И даже — ты только вообрази! — считали разумными себя, а не нас (Владимир Марышев. Фантастический рассказ. «Тени прошлого» // Юный техник, 2013)) [там же]. (б) Какие-то мощные тектонические процессы, — да — обнищавший — до — неприличия — врач — Мишка — Барыбин — запрещал — ему — Цахилганову — разговаривать — здесь — с — собственной — женой — вообрази только! (В. Г. Галактиконова. 5/4 накануне тишины // «Москва», № 11, 12. 2004) [там же]. () Нет ты представь себе, сам Александр Благословенный две тысячи лет тому назад этот рубль или дубль держал в руках! (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 4 (1978)) [там же].

III.2.1. Вопросительные вводные конструкции

Источником вопросительных аппеллятивных ВК являются аппеллятивные вопросы: «Они содержат не полноценную пропозицию, а пропозициональную форму, а сообщаемая пропозиция Р содержится в другом предложении. Этим объясняется и несовпадение субъекта ВК и автора пропозиции Р, и вопросительность аппеллятивных ВК» [Кустова, 2020, с. 71]. Субъект эпистемического глагола — *видите, представляете, понимаете* — в действительности является адресатом, он получает новую для себя информацию.

В русском языке вопросительный статус рассматриваемых ВК подтверждается тем, что они характеризуются восходящей интонацией, а также наличием конструкций, в

³ Как отмечал Ю. Д. Апресян, фактивный глагол *знать* в форме 2 л. в функции вводного слова в большинстве случаев «имеет ослабленное значение “доверительности” — ‘хочу тебе <вам> сообщить’» [Апресян 1995, 424]; как представляется, это утверждение верно и для других глаголов.

которых ЭП сопровождается вопросительной частицей *ли* — *видите ли, понимаете ли* [там же, с. 66], например: *Он, видите ли, представляется мне совершенным образцом писателя* (В. Т. Шаламов. Письмо Б. Л. Пастернаку (1953)) [НКРЯ]. (б) *Но если я начну по дворам ходить и говорить — худо живется, худо живется, — меня, понимаешь ли, в цепи закуют* (М. А. Булгаков. Батум (1939)) [там же]. Вопросительная частица *ли* используется и в других славянских языках, см., например, перевод с русского языка на болгарский: (в) *Видишь ли, он довольно известная личность в определенных кругах* (Татьяна Полякова. Миллионерша желает познакомиться (2002)) *Знаеш ли, той е доста известна личност в определени кръгове* [там же].

В других языках вопросительный статус рассматриваемых ВК является еще более эксплицитным — выражается инверсией глагола и личного местоимения, специального маркера вопроса. Например: (а) франц. *Dans la chose de charron, on travaille toujours en plein air, dans des cours, sous des hangars chez les bons maîtres, jamais dans des ateliers fermés, parce qu'il faut des espaces, voyez-vous* (Victor Hugo. Les Misérables. Première partie. Fantine (1862)). В тележном деле всегда работаешь на вольном воздухе, во дворах. Если попадетс хороший хозяин, то под навесом, а в закрытом помещении — никогда, потому что для этого, понимаете ли, требуется много места [НКРЯ]. В исходной французской фразе использована вопросительная конструкция с эпистемическим глаголом *voir* 'видеть'; 'понимать' — *voyez-vous*, букв. 'видите/понимаете вы'. (б) нем. «*» Sehen Sie», sagte ich,» das konnten Sie doch nicht wissen. «» Nein«, erwiderte sie,» das konnten wir wirklich nicht wissen «» (Erich Maria Remarque. Drei Kameraden (1936))⁴. — Видите ли, — сказал я, — этого вы просто не могли знать. — Нет, конечно, — сказала она, — этого мы действительно не могли знать [там же]. (в) нем. — Видите ли, Машенька, — начала Женя, — первое стихотворение в этой тетради написано Максимилианом Волошиным, последнее — Мариной Цветаевой (Людмила Улицкая. Сквозная линия (2001)). «*Sehen Sie, Maschenka*», begann Shenja, «*das erste Gedicht in diesem Heft ist von Maximilian Woloschin, das letzte von**

⁴ Здесь и далее кавычки в немецких примерах воспроизведены в том виде, в каком они представлены в указанном корпусе.

Marina Zwetajewa» [там же]; *sehen* – ‘видеть’. (г) нем. «Weißt du», ich beugte mich vertrauensvoll vor, «Glücksspiele sind bei uns zu Hause verboten — meine Großmutter hat da ein paar strenge Regeln aufgestellt» (Kerstin Gier. Smaragdgrün (2010)). Понимаешь, — я доверительно наклонилась к нему, — азартные игры запрещены у нас в доме: моя бабушка установила строгие правила [там же]; *wissen* – ‘знать’. (д) Представляешь — здесь, под ногами, всемогущество! Кольца всевластия — по копейке пара (Сергей Лукьяненко. Спектр (2002)). нем. Stell dir vor, hier, in diesem Boden, liegt die Allmacht! Die Ringe der Macht, einen Pfennig das Paar [там же]; *vorstellen* – ‘представлять’. (е). Представляешь, ему, молодому оперативнику с периферии, такое дело поднять! (Александра Маринина. Шестерки умирают первыми (1995)). нем. Verstehst du, ein junger Mitarbeiter aus der Provinz, und dann so eine Geschichte [там же]; *verstehen* – ‘понимать’.

В испанском и итальянском языках на письме вопросительность вводной конструкции может также маркироваться вопросительным знаком, например: (а) *Какая игра, какая игра, – сказал скрипач, бережно закрывая ящик. – Комбинации, как мелодии. Я, понимаете ли, просто слышу ходы* (В. В. Набоков. Защита Лужина (1929)). – ¡Qué juego, qué juego! – dijo el violinista, y cerró la caja con ternura –. Las combinaciones son como melodías. ¿Sabe usted?, sencillamente, puedo oír las jugadas [там же]; *saber* – ‘знать’; *usted* – местоимение 2 л.; ‘Вы знаете? (б) ¿Sabe?, lo conocí enseguida por la foto de la prensa — me dijo (Ernesto Che Guevara. Notas de viaje (1952-1953)). Знаете, я сразу вас узнала по фотографии в газете [НКРЯ].

В английском и французском языке аппеллятивные конструкции могут не иметь эксплицитно выраженного вопросительного статуса и стоять в конце высказывания, например: (а) «*The water*», I said, «*must have been quite cold*». «*That is not the point*», said the logical doomed dear. «*He is subnormal, you see*» (Vladimir Nabokov. Lolita (1955) Владимир Набоков. Лолита (В. Набоков, 1967). «Вода», сказал я, «должно быть была прохладная». «Не в этом суть дела», возразила логичная, хоть и обреченная голубка. «Он, видишь ли, слабоумный» [НКРЯ]. (б) *They take the Bible literally, you know*” (Harper Lee. To

Kill a Mockingbird (1960). Они, видишь ли, понимают Библию слишком буквально [там же]. (в) *Moi-même, j'ai soixante-sept ans et je suis terrifié: le temps passe vite, vous savez* (Joël Dicker. La Vérité sur l’Affaire Harry Quebert (2012)). Мне вот шестьдесят семь, и я в ужасе: время, знаете ли, летит быстро [там же]; *vous savez* – ‘вы знаете’. В русском языке, как представляется, аппеллятивные ВК в конце предложения чаще всего не только вводят новую для адресата информацию, но и передают эмоциональное состояние говорящего (см. подробнее ниже), например: *Ну вот это другой разговор! А то она в ответ на мою любовь язвит, понимаешь ли!* (Андрей Житков. Кафедра (2000)); говорящий возмущен поведением героини романа.

III.2.2. Побудительные вводные конструкции

Коммуникативным намерением автора высказывания, содержащего аппеллятивную вводную конструкцию, как отмечалось в работах разных ученых, является сообщение адресату новой информации, которая представляется ему самому важной и интересной. В русском языке примером таких конструкций являются конструкции с предикатами эпистемического модуса в повелительном наклонении – *вообрази, пойми; представь*. Например: (а) *Вообрази, Нора, даже в сталинской России знали Риту Ó’Нийл* (Василий Аксенов. Новый сладостный стиль (1997)) [НКРЯ]. (б) *В спальне у Франсуа-Мари — вообрази — стоит ванна, это очень удобно* (Василий Катанян. Лиля Брик. Жизнь (1999)) [НКРЯ]. (в) *Хотел даже тебе позвонить, но у нас там, вообрази себе, не было ни одного телефона-автомата* (В. П. Катаев. Трава забвенья (1964 — 1967)) [НКРЯ].

Действительно, с чего все это началось... — Пойми, Коля был всей моей жизнью. Он был моим другом (Сергей Довлатов. Чемодан (1986) [там же.]. (в) *И вот, представь себе, ген, ответственный, например, за голубую окраску радужной оболочки, находится непосредственно рядом с геном, обуславливающим трусость или мужество!* (Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // «Новый Мир», 2000)) [там же]. (г) *После консерватории я попела в хоре, в массовках поучаствовала, арию пажы «Сеньор, извольте одеваться» исполняла, затем поучаствовала в конкурсе*

Большого, и, представьте себе, не без успеха (Виктор Астафьев. Обертон (1995-1996)) [там же].

III.2.3. Экспрессивные апеллятивные конструкции

Особый интерес представляют экспрессивные апеллятивные вводные конструкции. Как отмечено в работе Г. И. Кустовой [Кустова, 2020, с. 65], сообщение, содержащееся в апеллятивных конструкциях, бывает экспрессивным. Изучение примеров из Национального корпуса русского языка [НКРЯ] позволило сделать вывод о том, что основными эмоциями, которые говорящий передает, используя эти ВК, являются возмущение, удивление, радость, например: (а) *Ну вот это другой разговор! А то она в ответ на мою любовь язвит, понимаешь ли!* (Андрей Житков. Кафедра (2000)). (б) *Сколько раз в его смрадной норе играл я с ним в подкидные дураки! А он, видите ли, изображает из себя Голдфингера!* (Василий Аксенов. Остров Крым (1977—1979)). (в) *А важно то, что он заранее, понимаете ли, заранее знал о подсолнечном масле!* (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (1929—1940)). (г) *После консерватории я попела в хоре, в массовках поучествовала, армию пажа «Сеньор, извольте одеваться» исполняла, затем поучествовала в конкурсе *Большого, и, представьте себе, не без успеха* (Виктор Астафьев. Обертон (1995—1996)) [НКРЯ]. (д) *Мессир, вообразите, — закричал возбужденно и радостно Бегемот, — меня за мародера приняли!* (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (ч. 2) (1929—1940)). (е) *Ведь убивец ты! Понимаешь ли — убивец!* (Максим Горький. Супруги Орловы (1897-1898)). **Ит.** *Sei dunque un assassino! Capisci?... Capisci?... un assassino!!* [НКРЯ]; *Capire* – ‘понимать’. *Capisci* – ‘понимаешь’. (е) *Я не миллиардерка какая-нибудь, чтобы зря деньги кидать. У меня еще своей яхты нет. А он-то оттуда — вообразите! — пачку привез сигарет. Выйдет на лестницу и там втихаря смолит. Отобрала, выбросила. Не надо мне курящего мужа, и без него одни нехватки в доме* (И. Грекова. «Скрипка Ротшильда» (1980)) [НКРЯ]. (ж) *А законным владельцам приходится ночевать в коридоре, без должных, понимаете ли, удобств!..* (С. И. Шуляк. Квартира номер девять. Роман с чертовщиной // «Волга», 2013) [НКРЯ]. (з) *Представляешь, просыпаюсь я, а на подоконнике кто-**

to сидит... (А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий. Град обреченный (1972). исп. – ¡Imagínese! Me levanto, ¿y qué veo en el alféizar de la ventana? [НКРЯ]; *imaginar* – ‘представлять’; ¡Imagínese! – ‘представь’.

Необходимо отметить, что, по-видимому не все эпистемические предикаты могут выступать в указанной функции. Ср., например: *А то случилось, что меня, понимаешь ли, меня, подполковника, командира Измайловского полка, схватили, как какого-нибудь проходимца или вора!..* (М. Н. Волконский. Брат герцога (1895)) [НКРЯ] и **А то случилось, что меня, знаешь ли, меня, подполковника, командира Измайловского полка, схватили, как какого-нибудь проходимца или вора!..*

Апеллятивные парентетические конструкции с глаголом *понимать*, как показывает наш материал, используются также для усиления, акцентирования уже сказанного, например: (а) *Ведь она – его дочь, понимаешь ли, дочь... и потому все твои опасения напрасны...* (М. Н. Волконский. Два мага (1902)) [НКРЯ]. (б) *Ты противен мне. Понимаешь ли, противен! Ничего, кроме отвращения, я к тебе не чувствую* (В. М. Дорошевич. Сахалин (Каторга) (1903)) [там же]. (в) *Жених-то ее потерпел срам, срам он потерпел, понимаешь ли, срам* (М. Н. Волконский. Кольцо императрицы (1896)) [там же]. (в) *Но все горе в том, что я не сам виной этого, а само оно. Понимаете ли? Само оно* (А. Ф. Лосев. Что такое чудо? // «Студенческий меридиан», 1985) [НКРЯ]. (г) *Вы еще не начали? Напрасно! Это ваш долг! Долг, понимаете ли? Вы — писатель* (А. И. Цветаева. Сказ о звонаре Московском (1976)).

Мы выделяем также один интересный подкласс апеллятивных конструкций — конструкции, в которых пропозиция, вводимая говорящим, является цитированием слов другого человека. На основе проанализированного материала, мы пришли к выводу, что в этом случае ВК передают эмоцию, вызванную этими словами, например, возмущение, или маркирует ироничное отношение к человеку, чьи слова цитируются: (а) — *Мясник!* — *закричала соседка. — Он, видите ли, на операции, а я должна терпеть!* (И. Грекова. Перелом (1987)) [НКРЯ]. (б) *Он не может... Он, видите ли, занят... — Я действительно*

занят! (Сергей Таранов. Черт за спиной (2001)) [там же]. (в) Васса. *Пропьют они государство-то. Анна. То-то и оно. Не пьют они/ Васса Борисовна. Васса Не пьют! Революционеры / видишь ли* (Глеб Панфилов, Максим Горький. Васса, к/ф (1983)) [МКРЯ]. (г) — *О, суки! Мы: спирт в окопах, когда повезет, мы: в окопах спирт в отсутствие доступа кислорода, а они — Шираз! Мы по рабочим казармам, по нарам, под буддийский перезвон утреннего рельса, а они — Гоген! “П-перно”, понимаешь ли! Душистое асти-спуманте! Папского замка вино!* — Дядя Дёма, — беспомощно сказал мальчик, — не переживайте так, а? (Бахыт Кенжеев. Из Книги счастья (2007) // «Новый Мир», 2008) [НКРЯ]. (д) *На следующий день она не пошла на съемки: заболела, мол, голова раскалывается. За ней присылали, ассистент сам прибежал, заполошный: — Я прошлый раз с верхотуры сорвался, позвоночник повредил и то себе не позволил. А у нее, видишь ли, голова! Тебе что, ей думать?* (Г. Я. Бакланов. В месте светлом, в месте злачном, в месте покойном (1995)) [НКРЯ].

(е) Мы выделяем также один интересный подкласс апеллятивных конструкций — конструкции, в которых пропозиция, вводимая говорящим, является цитированием слов другого человека. На основе проанализированного материала, мы пришли к выводу, что в этом случае ВК передают эмоцию, вызванную этими словами, например, возмущение, или маркирует ироничное отношение к человеку, чьи слова цитируются: (а) — *Мясник! — закричала соседка. — Он, видите ли, на операции, а я должна терпеть!* (И. Грекова. Перелом (1987)) [НКРЯ]. (б) *Он не может... Он, видите ли, занят... — Я действительно занят!* (Сергей Таранов. Черт за спиной (2001)) [там же]. (в) Васса. *Пропьют они государство-то. Анна. То-то и оно. Не пьют они/ Васса Борисовна. Васса Не пьют! Революционеры / видишь ли* (Глеб Панфилов, Максим Горький. Васса, к/ф (1983)) [МКРЯ] *Да вот, в дурачка задумал играть, — в сердцах ответил следователь, сразу приходя в себя, — припадок его забил! Вызову врача, сразу выздоровеет! Я его в рубаху затяну! Колено у него, видишь ли....* (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 2 (1978)) [НКРЯ]. (ж) *Забрала себе шефство над авиацией, причем самовольно, так за летчика,*

видишь ли, беспокоится (Георгий Владимов. Шестой солдат (1970-1981)) [НКРЯ]; ирония.

Интересно, что в последующем или предшествующем тексте может также давать определение тому, что вызвало возмущение, негодование говорящего, например: (а) *И что за глупое признание: перевозбужден. А может, это наша российская болезнь — такая депрессивная перевозбужденность? Коньяк ее хорошо снимает. Он, видите ли, перевозбужден! Что за дамский язык! Что за дикая откровенность? Это даже некультурно* (Фазиль Искандер. День писателя // «Новый Мир», 1999) [НКРЯ]; ‘это некультурно’. (б) *Да он же ни с какой бабой в постель лечь не может без штампа в паспорте, <...> Нет, он, видите ли, распутник... Ну какая же все-таки подлая страна!* (Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Жиды города Питера, или Невесёлые беседы при свечах (1990)) [там же]; ‘это подло’. (в) *Лезем вверх на четвереньках. Я ползу почти как на войне, попластунски. Сын, слышу, глухо ворчит и клянет весь белый свет. Неженка, думаю я, видишь ли, глина его разозлила* (Виктор Розов. Удивление перед жизнью (1960-2000)) [НКРЯ]. (г) *Сейчас получил от Лиды письмо. Изображает себя моей жертвой. Я, видишь ли, приказал ей уехать из Киева, и она, повинуясь моим велениям, едет в Крым!!!* (К. И. Чуковский, Н. К. Чуковский. Переписка Корнея и Николая Чуковских (1938)) [НКРЯ].

III.4. Особенности перевода апеллятивных вводных конструкций.

1. Переводы на русский язык.

Сравнение иноязычных текстов и их переводов на русский язык позволило обнаружить одну интересную тенденцию — в русские переводы часто дополнительно вставляются апеллятивные ВК. Особенно показательны переводы примеров (а) — (д), в которых автор текста тем или иным способом (в частности, восклицательными конструкциями) выражает возмущение чьими-л. действиями или словами: (а) укр. *Грубіян такаий... У город они лізуть до його... До такого і слід лізти* (Архип Тесленко. Страчене життя (1910)). Грубиян этакий! Видишь ли, в огород к нему лезут, да к такому и след лезть

[НКРЯ]. (б) нем. «*Warum wurde es geschlossen?*», *fragte Victor. Scipio stand immer noch an der Tür und lauschte mit angstvollem Gesicht dem, was Victor und sein Vater besprachen. «Ein Gutachter vom Festland erklärte es für baufällig!*» (Cornelia Funke. Herr der Diebe (2002)). А почему его закрыли? — спросил Виктор. Сципио все еще стоял у двери и с испуганным лицом прислушивался к разговору отца с Виктором. — Эксперт с большой земли посчитал, видите ли, что здание обветшало! [возмущение оценкой эксперта] [там же]. (в) англ. ‘*Oh, I’m not allowed near the filing cabinet — I might mess up her precious colourcoding system!*’ (Kate Fox. Watching the English: The Hidden Rules of Behaviour (2004)). Меня к картотечному шкафу даже близко не подпускают. Я, видите ли, могу внести беспорядок в ее драгоценную систему с цветовой маркировкой! [возмущение словами секретарши] [там же]. (г) *She wanted to dazzle me with a perfect First Night – and because I was, anyway, always butting in and saying the wrong thing, and cramping her style in the presence of other people* (Vladimir Nabokov. Lolita (1955)). Ей хотелось, говорила она, ослепить меня совершенно гладким первым представлением, а кроме того, я, видите ли, как-то всегда вмешиваюсь не в свое дело, не то говорю и стесняю ее в присутствии ее знакомых [там же]. (д) англ. *Pop! Pop! Just like that/ he shoot me. For cigarettes!* (Мими Ледер, Майкл Крайтон. ER, Скорая помощь (USA) сезон 1 серия 2 (1994)). Представляете / он в меня стрелял из-за сигарет! [МПК]. (е) пол. *Jestem dociekliwa, ot, taka słabostka kobiecej natury* (Andrzej Sapkowski. Wozy bojownicy (2) (2004)). Я любопытна, такая, понимаешь ли, слабость женской природы [НКРЯ]. (ж) англ. *I’m kind of glad Ron didn’t come up* (Сидни Поллак, Дон МакГвайр, Ларри Джелбарт. Tootsie, Тутси (USA) (1982)). Знаете, я даже рад/ что Рон не приехал с вами] [МПК]. (з) нем. «Eine Belohnung hat er uns versprochen, ein ganzes Monatsgehalt will der Mann mir geben, wenn ich ihm seinen Schal wiederbeschaffe, einen blauen Marine-Schal; im ICE ‘Grimmelshausen’ hat er ihn liegengelassen (Siegfried Lenz. Fundbüro (2003)). Он пообещал нам вознаграждение, представляешь, человек готов отдать всю месячную зарплату, если я верну ему его шарф синего цвета, как у моряков, он оставил его в международном экспрессе «Гриммельсхаузен» [там же]. (и) пол. *Na tej*

górze może nas łatwo spotkać przygoda (Zofia Kossak. *Król trędowaty* (1937)). На Горе Соболазна, знаете ли, всякое может случиться... [там же]. (к) пол. *Pani specjalnie kazała schować kolację. I teraz nie chce się...* (Jerzy Andrzejewski. *Popiół i diament* (1948)). Мать о нем беспокоилась, велела ужин оставить, а он, видите ли, не хочет... [там же]. (л) нем. *Und seine Frau betrügt ihn; seine Mutter hat ihm das erzählt.* « (Erich Maria Remarque. *Zeit zu leben und Zeit zu sterben* (1954)). И представь — жена его обманывает, ему мать рассказала [там же]. (м) нем. *Die zweite Tochter von Tante Grete hat im vorigen Monat geheiratet, einen Rittmeister sogar...* (Erich Maria Remarque. *Der Weg zurück* (1931)). Вторая дочь тети Греты в прошлом месяце вышла замуж, и, представь, тоже за ротмистра.

Еще одна интересная особенность русских переводов заключается в том, что конструкции с невводным, матричным, употреблением эпистемических глаголов⁵, наличествующие в исходном тексте, часто заменяются на вводные аппеллятивные конструкции: (а) франц. *Figurez-vous qu'à dix ans seulement elle était déjà la reine de tous les concours de beauté régionaux* (Joël Dicker. *La Vérité sur l'Affaire Harry Quebert* (2012)). Представляете, она уже в десять лет побеждала на всех местных конкурсах красоты [НКРЯ]; *Figurez-vous que...* — 'представьте себе, что ...'. (б) пол. *Trzeba ci wiedzieć, że często podróżuję nocą, z latarnią, bez popasania* (Andrzej Sapkowski. *Narrenturm* (1) (2002)). Я, видишь ли, частенько путешествую ночью, с фонарем, без остановки [там же]; *Trzeba ci wiedzieć, że ...* — 'надо знать, что ...'. (в) исп. *Ya sabes que nosotras gastamos muy poco, casi nada, pero las medicinas de mamá son caras* (Isabel Allende. *La casa de los espíritus* (1982)). Знаешь, мы тратим очень мало, почти ничего, но мамины лекарства стоят дорого [там же]. *Ya sabes que* — 'ты знаешь, что...'. (г) ит. *Oh! dovete dunque sapere che, in quel convento, c'era un nostro padre, il quale era un santo, e si chiamava il padre Macario* (Alessandro Manzoni. *I promessi sposi* (1827)). Так вот, видите ли, жил-был в этом монастыре один наш падре, святой человек, а звали его падре Макарио [там же]. *Dovete dunque sapere che* — 'вы

⁵ Матричным употреблением пропозиционального глагола принято называть его функционирование в конструкциях с зависимой клаузой, например, *Я знаю, что он опоздает, Он понимает, что ты его не простил.*

должны знать, что...’. (д) исп. Imagínate que se le ocurrió preguntarme la etimología de la palabra capullo, con un tonillo de sorna muy fuera de lugar (Carlos Ruiz Zafón. La sombra del viento (2001)). Представляешь, ему вздумалось спросить меня об этимологии слова «препудий», причем сделал он это совершенно недопустимым тоном, с издевкой. [Carlos Ruiz Zafón. La sombra del viento (2001)] [там же]; imagínate que... – ‘представь, что...’. (е) порт. Você sabia que na Rádio Relógio disseram que um homem escreveu um livro chamado “Alice no País das Maravilhas” e que era também um matemático? (Clarice Lispector. A hora da estrela (1977)). Ты знаешь, в «Радио-Часах» сообщили, что один человек написал книгу «Алиса в стране чудес», он еще был математиком [там же]; saber – ‘знать’; sabia que – ‘знаешь, что’. (ж) порт. Sabe que Marilyn era toda cor-de-rosa? (Clarice Lispector. A hora da estrela (1977)). Ты знаешь, что Мэрилин была вся розовая? [Clarice Lispector. A hora da estrela (1977)]; saber – ‘знать’; sabe que – ‘ты знаешь’ [там же]. (ж) Parce que figure-toi que Harry Quebert a invité Jenny à aller voir le feu d’artifice à Concord ce soir (Joël Dicker. La Vérité sur l’Affaire Harry Quebert (2012)). Потому что, представь себе, Гарри Квеберт пригласил Дженни съездить с ним вечером в Конкорд посмотреть фейерверк. [Joël Dicker. La Vérité sur l’Affaire Harry Quebert (2012)] [там же]; figure-toi que ‘представь себе, что’.

Функция апеллятивных ВК, заключающаяся в сообщении адресату новой информации, особенно наглядно при переводе на русский язык текстов, содержащих глаголы речи, например: пол. Powiadam ci — szeptał Wladek przysuwając się bliżej — postawiłem na czwórke, dwadzieścia pięć rubli oczko (Władysław Reymont. Komediantka (1896)). Понимаешь, — зашептал Владек, пододвинувшись ближе, — поставил на четверку двадцать пять рублей [НКРЯ]. Powiaść — ‘говорить’, powiadam ci — ‘говорю тебе’.

2. Переводы с русского языка

Если при переводе иноязычных текстов в русские переводы часто дополнительно вставляются апеллятивные ВК, то при переводе русских текстов, содержащих апеллятивные вводные конструкции, указанные вводные конструкции часто удаляются, например: (а) Видишь ли, в паспорте моя фамилия будет обозначена четко и будет представлена

отметка о судимости (Анатолий Рыбаков. Дети Арбата (1966 —1983)). англ. “Well, my name will be perfectly plain from my identity papers and the sentence will be entered there, too [НКРЯ]. (б) *Никак нельзя, понимаешь ли, сейчас с прохладцей жить. Не выходит это!* (Николай Островский. Как закалялась сталь (ч. 2) (1930-1934)). There’s no taking life easy nowadays. It simply won’t work! [там же]. (в) *Нет, господа, это были не люди. Слишком, понимаете ли, спокойные, слишком молчаливые* (А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий. Второе нашествие марсиан (1966)). исп. No, señores, esos no eran hombres. Eran demasiado calmos, demasiado silenciosos [там же]. (г) *Я, видишь ли, думаю, что всё-таки ничего не выйдет у нас* (Максим Горький. Супруги Орловы (1897—1898)). ит. Ecco, credo che non ci riuscirà di fare qualche cosa [там же]; ecco — ‘вот’. (д) *У Бризака есть целый цикл триллеров на русскую тему, и представь себе, они пользуются огромным спросом среди выходцев из России* (Александра Маринина. Украденный сон (1994)). нем. Brisac hat einen ganzen Zyklus von Thrillern geschrieben, die in Russland spielen. Und diese Bücher werden mit Begeisterung von Russen gelesen, die im Westen leben [там же]. (е) *Вообрази: я ей отписал о всем приключившемся, и представь, она мне мигом отвечает запиской, карандашом (ужасно любит записки писать эта дама), что «никак она не ожидала от такого почтенного старца, как отец Зосима – такого поступка!»* (Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы (ч. 3-4) (1878)). *Stell dir vor, ich habe ihr über alles Vorgefallene schriftlich berichtet, und sie hat mir sofort mit einem Briefchen geantwortet, es ist mit Bleistift geschrieben, diese Dame schreibt nämlich außerordentlich gern Briefchen. Sie schreibt, von so einem verehrten Starez wie Vater Sossima hätte sie ein solches Benehmen in keiner Weise erwartet* [там же].

Кроме того, при переводе с русского языка апеллятивные конструкции часто заменяются конструкциями с невводным, матричным, употреблением эпистемических глаголов или конструкциями с прямой речью, например: (а) *Вообрази, этот ужасный человек, кажется, и был причиной ее смерти* (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)). франц. *Imagine-toi que cet homme horrible a, paraît-il, été la cause de sa mort* [там же]. *S’imaginer* — ‘вообразить, представить себе что-л.’ (б) *«Видишь ли, Прохоров, — ска-*

зал бригадир от имени всей честной компании, — все мы поднялись на твое приглашение (А. С. Пушкин. Гробовщик (1830)). исп. *Ya lo ves, Prójorov — dijo el brigadier en nombre de toda la respetable compañía — todos nos hemos levantado en respuesta a tu invitación* [там же]; прямая речь; *ver* — ‘видеть’; *lo ves* — ‘ты это видишь’. (в) *Знаете, готовится наше наступление в районе заводов, собраны такие силы, каких тут никогда еще не бывало* (В. С. Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 2 (1960)). франц. *Vous savez que nous préparons une offensive dans le quartier des usines: on y a rassemblé plus de troupes qu’il n’y en a jamais eu jusqu’à présent* [там же]. *Savoir* — ‘знать’; *vous savez que* — ‘вы знаете, что’. (г) И бывший тихоня, теперь беспокойный эмигрант, говорил, глядя на портрет в газете: «Представьте себе, — совершенно не помню его лица... Ну, совершенно не помню...» (Владимир Набоков. Защита Лужина (1929)). исп. *Y el antiguo chico tranquilo, ahora un emigrado in-tranquilo, dijo al mirar una foto en el periódico: — Imagínese que no puedo recordar su cara... no puedo recordarla... [там же]; *imaginar* — ‘представлять’; *imagínese que* — ‘представьте, что...’. (д) Вообразите, — сказала она, выходя из магазина, — каждый день бывал у нас, потом вдруг пропал (И. А. Гончаров. Обломов (1848 — 1859)). Франц. *Figurez-vous, dit-elle en sortant du magasin, qu’il venait chez nous chaque jour, et tout d’un coup il a disparu* [там же]. *Se figurerr* — ‘вообразить, представить себе что-л.’; *Figurez-vous qu’il venait chez nous chaque jour* — ‘представьте, что он приходил к нам каждый день’.*

Необходимо отметить, что в примерах (б) — (в) смысл исходной русской фразы искажен: в оригинале использована вводная конструкция, которая содержит новую для адресата информацию, в переводах фигурируют матричные конструкции, в которых утверждается, что адресат также располагает этими сведениями.

3. Приверженность русского языка к вводным апеллятивным конструкциям.

Сравнение иноязычных текстов и их переводов на русский язык, с одной стороны, и переводов русских текстов, содержащих апеллятивные вводные конструкции, на другие языки, с другой, позволило сделать вывод о приверженности русского языка к вводным апеллятивным конструкциям. Это проявляется также в том, что часто вопросительные

конструкции в тексте оригинала в русских переводах заменяются на апеллятивные ВК, например: (а) франц. *On parlait du conventionnel G. dans le petit monde de Digne avec une sorte d'horreur. Un conventionnel, vous figurez-vous cela?* (Victor Hugo. Les Misérables. Première partie. Fantine (1862)). В тесном мирке жителей города Диня о члене Конвента Ж. упоминали почти с ужасом. Вообразите только — член Конвента! [НКРЯ]. *Se figurer* — ‘представлять себе, воображать’; *vous figurez-vous cela?* — ‘вы представляете это?’ (‘вы можете себе это представить’). (б) франц. *Savez-vous qu'il a cinq ans bientôt?* (Victor Hugo. Les Misérables. Première partie. Fantine (1862)). Вы знаете, ведь ему скоро минет пять лет! [там же]. *Savoir* — ‘знать’; *Savez-vous que ...?* — ‘вы знаете, что...?’. (в) исп. *¿Sabe Ud., señor conde, que tendría chiste que yo le desbancase?* (Juan Valera. Pepita Jiménez (1874)). Знаете, сеньор граф, было бы занятно, если бы я сорвал его [там же]. *Saber* — ‘знать’; *¿Sabe Ud., señor conde, que tendría chiste* — ‘знаете, что было бы занятно, если бы ...?’. (г) нем. «*Weshalb-» Ich breche ab. «Weshalb hast du dann jetzt noch mit mir geschlafen, wolltest du fragen», antwortet Gerda. «Weißt du nicht, daß alle wandernden Artisten sentimental sind?»* (Erich Maria Remarque. Der schwarze Obelisk (1956)). — А... зачем же ты. — Я умолкаю, не договорив. — Зачем я опять спала с тобой? Видишь ли, странствующие артисты — народ sentimentalный [там же]. *Weißt du nicht, daß* — ‘разве ты не знаешь, что...?’

И, наоборот, при переводе с русского языка апеллятивные ВК часто заменяются на вопросительные: (а) Знаете, теперь уже стало трюизмом представление о бесконечности Вселенной (В. С. Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 3 (1960)). франц. *Savez-vous qu'aujourd'hui, c'est un truisme de parler de l'infini de l'Univers?* [там же]. *Savez-vous qu'aujourd'hui* — ‘Вы знаете, что теперь ...?’. (б) *A важно то, что он заранее, понимаете ли, заранее знал о подсолнечном масле!* (Михаил Булгаков. Мастер и Маргарита (1929—1940)). исп. *Lo que importa es que él lo sabía con anterioridad, ¿comprende?* *Sabía lo del aceite* [там же]; *¿comprende?* — ‘знаете?’. (в) Знаете ли, Павел Александрович, что вы, может быть, спасли его тем, что завезли его ко мне! (Ф. М. Достоевский. Дядюшкин сон

(1858 — 1859)). исп. ¿Sabe usted, Pavel Aleksandrovich, que quizá le haya salvado con traerle aquí? [НКРЯ]; ¿Sabe usted, Pavel Aleksandrovich, que quizá le haya salvado con traerle aquí? ¿Sabe usted ... — ‘вы знаете, что...?’. (г) Я увидела — бьют. Знаете, они с азартом били. С удовольствием (Светлана Алексиевич. Время секунд хэнд (ч. 2) (2013)). Франц. Et effectivement, j’ai vu qu’ils tapaient. Et vous savez quoi? Ils faisaient ça avec enthousiasme. Avec plaisir [НКРЯ]; *savoir* – ‘знать’. *Et vous savez quoi?* – букв. ‘И вы знаете что?’

4. Заключение

Проведенное исследование находится в русле работ по речевым актам. Объектом рассмотрения были парентетические конструкции с предикатами эпистемического модуля знания, восприятия и мнения. Существует три вида конструкций с эпистемическими единицами: 1. Модальные конструкции, обозначающие модальный статус пропозиции. 2. Рефлексивные конструкции, в которых эпистемические единицы выступают в функции маркирования рефлексии. 3. Апеллятивные конструкции — вопросительные и побудительные. В нашей работе на материале нескольких языков были рассмотрены апеллятивные конструкции, имеющие иллокутивную функцию — функцию воздействия на адресата.

Были представлены результаты сопоставительного анализа парентетических конструкций в нескольких языках — русском, польском, болгарском, украинском, немецком, английском, итальянском, испанском и португальском. В русском языке отличительным признаком вопросительных конструкций является восходящая интонация, а также наличие конструкций, в которых эпистемический предикат сопровождается вопросительной частицей *ли*. Проведенное исследование показало, что в других языках вопросительный статус рассматриваемых конструкций может быть еще более эксплицитным — выражаться инверсией глагола и личного местоимения, специальным маркером вопроса.

Был проведен также сопоставительный анализ матричных конструкций и апеллятивных конструкций с эпистемическими предикатами в разных языках. Анализ переводов иноязычных текстов с матричными конструкциями на русский язык позволил сделать

вывод о тенденции замены при переводе исходных матричных конструкций на вводные, и, наоборот, при переводе текстов с русского языка с вводными конструкциями о тенденции их замены на матричные.

Список сокращений

AD 1935 — Dictionnaire de l'Académie française. La 8e édition (1932-1935) // http://french_academie.fracademic.com.

Источники и принятые сокращения

МКРЯ — Мультимедийный корпус русского языка [Электронный ресурс] — Режим доступа: // <https://ruscorpora.ru/new/search-murco.html> (дата обращения: 07.05.2023).

МПК — Мультимедийный параллельный корпус Мультипарк (англо-русский) — Режим доступа: // <https://ruscorpora.ru/new/search-multiparc.html> (дата обращения: 07.05.2023).

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] — Режим доступа : // www.ruscorpora.ru (дата обращения: 07.05.2023).

СТСРЯ — Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. В 3-х т. — М.: АСТ, Астрель, Харвест, Lingua, 2006. 976 с. [Электронный ресурс] — Режим доступа : // <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/266982> (дата обращения: 07.05.2023).

ТСРЯ — Толковый словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. — М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935-1940. Т. IV: (С — Ящурный). — 1502 стр. — Режим доступа : // <https://lexicography.online/explanatory/ushakov> (дата обращения: 07.05.2023).

Литература

Апресян Ю. Д. Избранные труды, том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. С. 767.

Апресян Ю. Д. Синонимия ментальных предикатов: группа считать // системообразующие смыслы 'знать' и 'считать' в русском языке / Ю. Д. Апресян // Русский язык в научном освещении, № 1. 2001. С. 5—26.

Арутюнова Н. Д. Глагол видеть в функции предиката пропозициональной установки // Пропозициональные предикаты в логическом и лингвистическом аспекте. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1987. ISBN: N/A. С. 12—14.

Бабина Л. В., Паршина Е. О. Апеллятивы как средство репрезентации оценочных знаний // Когнитивные исследования языка. 2013. № 15. С. 352—360.

Баранов А. Н. Эксплицитный модус в аргументативном диалоге // Пропозициональные предикаты в логическом и лингвистическом аспекте. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1987. С. 15—18.

Баранов А. Н. Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход): Дис. ... докт. филол. наук. М., 1990. — 372 с.

Вендлер З. Факты в языке // Философия. Логика. Язык. М.: Прогресс, 1987. С. 293—317.

Дмитровская М. А. Знание и мнение: образ мира, образ человека // Логический анализ языка. Знание и мнение: Сб. ст. / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Наука, 1988. ISBN: 5-02-010897-9. С. 6—18.

Зализняк А.А., Падучева Е. В. О семантике вводного употребления глаголов // Вопросы кибернетики: Прикладные аспекты лингвистической теории. М.: Научный совет по кибернетике, 1987. С. 80—96.

Иоанесян Е. Р. Функциональная семантика эпистемических предикатов (на материале фр. яз.). Рос. акад. наук. Ин-т языкознания. М.: Ин-т языкознания РАН, 2000. — 246 с.

Иоанесян Е. Р. Аргументативные значения языковых единиц: (на материале русского и французского языков). М.: Советский писатель, 2011. ISBN:978-5-265-06459-2. — 218 с.

Кобозева И. М. О двух типах вводных конструкций с парентетическим глаголом // Типология и теория языка: от описания к объяснению. К 60-летию А. Е. Кибрика / ред. Е.

В. Рахилина, Я. Г. Тестелец. М.: Языки русской культуры, 1999. ISBN 5-7859-0097-1. С. 539—543.

Корди Е. Е. Ментальные глаголы: валентностный таксис (на материале французского языка) // *Acta Linguistica Petropolitana*. 2020. Vol. 16.2. P. 509—543.

Кустова Г. И. О коммуникативном статусе вводных конструкций с ментальными предикатами // *труды института русского языка им. в.в. виноградова*, 2020. № 3 (25). Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. ISSN: 2311-150X. С. 62—76.

Кустова Г. И., Швелидзе Н. Б. Системные свойства апеллятивных вводных конструкций (по данным национального корпуса русского языка) // *Научно-техническая информация. Серия 2: Информационные процессы и системы*. 2020. № 9. С. 27—36.

Остроумова О. А., Фрамполь О. Д. Словарь вводных слов, сочетаний и предложений. Опыт словаря-справочника. М.: Изд-во СГУ, 2009. — 501 с.

Федорова Л. Л. Об определении функций речевых актов // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды Международной конференции "Диалог-2003"*. Российский НИИ искусственного интеллекта, 2003. С. 151—156.

Anscombe J. C. Grammaire traditionnelle et grammaire argumentative de la concession // *Revue internationale de philosophie*, 39, n 4, 1985. P. 333 — 349.

Anscombe J. C., Ducrot O. L'argumentation dans la langue // *Langages*, N 42, 1976. P. 5—27.

Banfield A. Où l'épistémologie, le style et la grammaire rencontrent l'histoire littéraire : le développement de la parole et de la pensée représentées // *Langue française*, N 44, 1979 44. Pp. 9—26.

Borillo A. Deux aspects de la modalisation assertive: croire et savoir // *Langages*. 1982. No 67. P. 33—53.

Dehé N., Kavalova Y. *Parentheticals*. Amsterdam: John Benjamins, 2007. — 314 p.

Dehé N., Wichmann A. Sentence-initial I think (that) and I believe (that). Prosodic Evidence for Use as Main Clause, Comment Clause and Discourse Marker // *Studies in Language*. 2010. Vol. 34. №1. P. 36—74.

Grossmann F. Verbes de constat et autres verbes «parenthétiques». Quel statut dans l'écrit scientifique? // *Arena Romanistica*, 2014. P. 106—122.

Iordanskaja L., Mel'čuk I. Verbes parenthétiques illocutifs en russe // *Cahiers de lexicologie: Revue internationale de lexicologie et lexicographie*, ISSN 0007-9871, N 98, 2011. P. 177—196.

Kuroda S.-Y. Where Epistemology, Style, and Grammar Meet: A Case Study from Japanese // Stephen Anderson and Paul Kiparsky (eds.), *A Festschrift for Morris Halle*, Holt, Rinehart and Winston, New York, 1973. Pp. 377—391.

Kustova G. L. Semantic effects of verb tense in parenthetical constructions with mental verbs // *computational linguistics and intellectual technologies*. Том 19 (26), 2020. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2020. С. 62 —75.

Martin R. Langage et croyance. Les «univers de croyance» dans la théorie sémantique”, Bruxelles, Pierre Mardaga éditeur, Coll. Philosophie et langage, 1987. 189 p.

Récanati F. Remarques sur les verbes parenthétiques // *De la syntaxe à la pragmatique*. Amsterdam: Philadelphia, 1984. P. 319—353.

Urmson J.O. Parenthetical verbs // *Philosophy and ordinary language*. Ch.E. Caton (ed.). University of Illinois Press, Urbana — Chicago — London, 1970. P.220—240.

Wierzbicka A. Metatekst w tekście // Wierzbicka A. *O spójności tekstu*. Wrocław; Warszawa: Ossolineum, 1971. S. 105—121.

Parenthetical structures in typological perspective

**E.R. Ioanesyan (Institute of Linguistics,
Russian Academy of Sciences)**

The article deals with the structures with epistemic modals — parenthetical questions and imperatives. A comparative study of a number of languages — Russian, Polish, Bulgarian, Ukrainian, German, English, Italian, Spanish, and Portuguese — was carried out focusing on parenthetical structures that include mental verbs. In addition, the study highlights the fact that in many cases, depending on the language pair in translation, parenthetical structures in a source language match matrix structures introducing clauses in a target language, and vice versa. Building on the bilingual corpora material the author proves that the Russian language is more likely to use parenthetical structures, while their translation equivalents appear to be either null or present matrix structures controlling a subordinate clause.

Key words

Semantics, parenthetical structures, epistemic verbs, semantic typology, translation studies.

Лексические особенности немецких туристических путеводителей и проблема их передачи при переводе на русский язык (на материале издания «Wege zu Cranach: Eine Entdeckungsreise»)

Д. А. Киселев (Санкт-Петербургский государственный университет)

И. С. Парина (Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского)

Аннотация

В статье рассматриваются лексические особенности перевода туристического путеводителя по объектам культурного наследия с немецкого языка на русский. Текст оригинала содержит большое количество терминов из области истории и культуры, имен собственных и наименований реалий. Основная трудность при переводе связана с тем, что с одной стороны, для них требуется использовать традиционные соответствия, но, с другой стороны, о них предоставляется недостаточно информации в словарях и справочниках. Предложенные в работе способы преодоления переводческих трудностей могут применяться при переводе других изданий аналогичной тематики.

Ключевые слова

Письменный перевод, путеводитель, антропонимы, топонимы, артионимы, термины, реалии.

Настоящая статья посвящена исследованию лексических особенностей немецкого туристического путеводителя и трудностям, возникающим при переводе путеводителя с немецкого языка на русский. Материалом для исследования послужило издание «Wege zu Cranach. Eine Entdeckungsreise» общим объемом 42800 знаков, размещенное на сайте <https://wege-zu-cranach.de/index.html> [Wege zu Cranach].

Цель исследования состояла в том, чтобы перевести текст туристического путеводителя с немецкого языка на русский и на основе данного материала проанализировать лексические аспекты перевода путеводителей.

Актуальность исследования связана с тем, что среди россиян популярностью пользуется культурный туризм [Лебедева 2020], то есть туризм, который нацелен на посещение культурных достопримечательностей [Бабаева 2017]. Соответственно, востребованы переводы на русский язык зарубежных туристических путеводителей, посвященных маршрутам по объектам культурного наследия. Тексты путеводителей содержат лексику, перевод которой может вызывать трудности. Описание этих трудностей и способов их разрешения также представляет собой актуальную задачу.

Туристический путеводитель, послуживший материалом для настоящей работы, ранее не переводился на русский язык. Кроме того, нами не было найдено других путеводителей соответствующей тематики на русском языке. Этим обусловлена новизна проведенного исследования.

Путеводитель «Wege zu Cranach» [Wege zu Cranach] посвящен маршруту по 13 городам и четырем федеральным землям Германии: Баварии, Саксонии, Саксонии-Анхальт и Тюрингии. Центральное место в маршруте отведено династии художников Кранахов, в частности, Лукасу Кранаху Старшему, художнику Реформации.

Рассматриваемый путеводитель состоит из введения, 13 глав, каждая из которых посвящена отдельному городу и озаглавлена соответствующим образом, карты, страниц с контактной информацией и перечня иллюстраций. В конце каждой главы приводятся обобщенные рекомендации для туристов в виде тезисов.

Таким образом, издание обладает структурой, типичной для путеводителей, которые обычно включают в себя историческую справку, описание достопримечательностей, карты и информацию о местоположении туристических объектов [Филатова 2012].

Как отмечает Э. Ю. Новикова, туристические путеводители выполняют три функции: информирующую, рекламную и развлекающую, и сочетают в себе особенности пуб-

лицистического и научного функционального стилей, а также используют приемы рекламного дискурса [Новикова 2014]. Это утверждение справедливо и в отношении текста оригинала.

С точки зрения лексического состава характерной чертой немецкоязычных путеводителей является активное применение тематически обусловленных терминов и наименований реалий [Новикова 2014].

В качестве лексических особенностей текста оригинала нами были выделены следующие:

— наличие большого количества наименований реалий, исторических, искусствоведческих и религиозных терминов (*das Turnierbuch* ‘турнирная книга’, *das Medaillon* ‘медальон’, *der Lettner* ‘леттнер’, *die Predella* ‘пределла’, *der Silberstift* ‘серебряная игла’, *der Ablass* ‘отпущение грехов’), а также терминов из музейно-экспозиционного дискурса (*die Dauer- und Sonderausstellung* ‘постоянная и временная выставка (экспозиция)’, *die Gemäldegalerie* ‘картинная галерея’, *die Ausstellungssektion* ‘раздел выставки’, *die wechselnde Ausstellung*, ‘временная выставка (экспозиция)’);

— наличие значительного числа имен собственных, а именно антропонимов (*Johann Friedrich der Großmütige* — *Иоганн Фридрих Великодушный*, *Johann der Beständige* — *Иоганн Твердый*, *Friedrich der Weise* — *Фридрих Мудрый*), топонимов (*Schloss Hartenfels* — *замок Гартенфельс*, *Veste Coburg* — *Кобургская крепость*) и артионимов (*die Anbetung der Könige* — *Поклонение волхвов*, *die Verlobung der Heiligen Katharina* — *Мистическое обручение Св. Екатерины*).

Для подбора эквивалентов использовались такие источники, как Универсальный немецко-русский словарь [УНРС], Немецко-русский словарь-справочник по искусству [Козырева 2002], «Словарь исторических терминов, понятий и реалий» Е. Л. Хохловой на русском, английском, немецком и французском языках [Хохлова 2004], лингвострановедческий словарь «Культура Германии» [Маркина и др. 2006], а также Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона [ЭСБЕ], Большая российская энциклопедия

[БРЭ], трёхтомный словарь художественных течений, направлений и школ «Стили в искусстве» В. Г. Власова [Власов 1998].

Для большинства терминов и наименований реалий были найдены эквиваленты в указанных источниках. Некоторые термины и обозначения реалий, встречающиеся в тексте оригинала, относятся к безэквивалентной лексике, однако представленные в лексикографических источниках толкования позволяют определить их семантику. Так, лексема *die Stiftertafel* на основании следующей словарной дефиниции ‘изображение донатора на пожертвованном или спонсируемом им произведении искусства’ [УНРС] была переведена описательно.

(1) Es ist flankiert durch die sogenannten Stiftertafeln mit Kurfürst Johann Friedrich von Sachsen und Herzog Johann Ernst von Coburg [Wege zu Cranach].

По бокам представлены заказчики алтаря — саксонский курфюрст Иоганн Фридрих Великодушный и герцог Иоганн Эрнст Саксен-Кобургский (перевод наш — Д. К., И. П.).

Не представлены в использованных нами лексикографических источниках и термины *die Werktagsseite* (букв. ‘будничная сторона’) и *die Festtagsseite* (букв. ‘праздничная сторона’). Они используются в тексте оригинала при описании алтаря в церкви Св. Вольфганга в Шнеберге, состоявшего из 12 створок работы Кранаха, из которых до настоящего времени сохранились одиннадцать. Известно, что у створчатых алтарей некоторые створки открываются только по праздникам [Смирнова и др. 1999]. Нами была найдена лекция М. Майзульса об алтарном триптихе в нидерландской живописи Средневековья и Возрождения, где используются словосочетания «внешняя сторона створок», «внутренняя сторона створок» [Майзульс 2021]. На основании этих сведений и фотографии, представленной в путеводителе, мы перевели термины *die Werktagsseite* и *die Festtagsseite* описательно (*внешняя сторона створок* и *внутренняя сторона створок*, соответственно):

(2) *Die sogenannte Werktagsseite zeigt das bekannte Bildmotiv Gesetz und Evangelium, das Cranach in verschiedenen Variationen malte [Wege zu Cranach].*

Внешняя сторона створок посвящена мотиву «Закон и Евангелие», к которому Кранах неоднократно возвращался в своем творчестве (перевод наш — Д. К., И. П.).

(3) *Die Festtagsseite des Altars wird in der Mitte durch das übermächtige Bild der Kreuzigung Christi bestimmt [Wege zu Cranach].*

На внутренней стороне изображена монументальная картина Распятия Христа (перевод наш — Д. К., И. П.).

Соответствие для словосочетания *Gesetz und Evangelium*, упоминаемого в примере (3) — «Закон и Евангелие» — было найдено нами в качестве названия полотна Лукаса Кранаха Старшего 1529 года, представленного в архиве произведений изобразительного искусства [Архив]. Традиция использования словосочетания «Закон и Евангелие» подтверждается также текстами богословской тематики, например, [Лютеранство в России; Зарин 1915].

В путеводителе „Wege zu Cranach. Eine Entdeckungsreise“ [Wege zu Cranach] упоминается еще один мотив в творчестве Лукаса Кранаха Старшего — *Weibermacht*. В изученных нами словарях и справочниках эта лексема не представлена, однако на сайте российского учебного заведения был найден анонс доклада на семинаре «Вопросы христианской иконографии. Западная Европа», на тему «*Weibermacht*: власть женщин в средневековом искусстве. От Филлиды до Юдифи». В то же время, в аннотации к докладу говорится о топосе «женской силы» и о топосе «женской власти» в западноевропейском искусстве [Харман]. Таким образом, текст содержит три эквивалента для лексемы *Weibermacht*. В переводе путеводителя мы использовали соответствие «власть женщин» как наиболее близкое по форме к лексеме в оригинале.

(4) *Zu sehen sind die Bildnisse Luthers, reformatorische Glaubensbilder, die berühmten Venus-Darstellungen und profane Motive wie die Darstellung der Weibermacht [Wege zu Cranach].*

В них можно ознакомиться с портретами Лютера, картинами на религиозные темы, типичные для Реформации, знаменитыми изображениями Венеры и картинами со светскими мотивами, такими как «власть женщин» (перевод наш — Д. К., И. П.).

Не указано в использовавшихся нами двуязычных словарях и название должности *der Schlosshauptmann*, которую занимал в замке Вартбург один из потомков Лукаса Кранаха Старшего, согласно путеводителю, сыгравший важную роль в сохранении культурного наследия. Проанализировав дефиницию в одноязычном словаре [Adelung]: *der Vorgesetzte, Befehlshaber eines fürstlichen Schlosses, dem die Erhaltung der Ordnung und Sicherheit in demselben obliegt* — ‘начальник, распорядитель княжеского замка, отвечающий за поддержание в нем порядка и безопасности’, мы перевели наименование реалии описательно: *смотритель замка*.

(5) Dass die Wartburg heute neben mehreren Lutherbildnissen einige weitere Arbeiten von Vater und Sohn Cranach bewahrt, verdankt sie auch einem direkten Nachfahren der Maler. Hans Lucas von Cranach war seit 1895 Schlosshauptmann der Wartburg, hier starb er im Jahr 1929 [Wege zu Cranach].

Сегодня в Вартбурге хранятся не только портреты Мартина Лютера, но и некоторые другие работы Кранахов Старшего и Младшего, за что следует благодарить их прямого потомка, Ханса Лукаса фон Кранаха, с 1895 года и до своей смерти в 1929 году служившего смотрителем замка (перевод наш — Д. К., И. П.).

В переводе антропонимов нами преимущественно использовались традиционные соответствия, например, *Bartel Bruun* — *Бартоломей Брейн*, *Albrecht Altdorfer* — *Альбрехт Альтдорфер*, *Hans Mielich* — *Ганс Милих*, *Peter Vischer d. Ä.* — *Петер Фишер Старший*, *Hans Baldung Grien* – *Ханс Бальдунг по прозвищу Грин*. Написание имен собственных проверялось по Большой российской энциклопедии, Энциклопедическому словарю Брокгауза и Ефрона [БРЭ, ЭСБЕ]. Для антропонимов, не представленных в лексикографических источниках, соответствия находились в изданиях искусствоведческой тематики, например, *Hans Leinberger* — *Ганс Лейнбергер* [Зарницкий, 1984]. Однако для неко-

торых антропонимов в авторитетных источниках не было найдено информации о традиции передачи их средствами русского языка — в частности, для имени *Matthias Gunderam*. Оно было передано с использованием приема транскрипции. Согласно требованиям к передаче иностранных имен в переводе, удвоение согласного при этом сохраняется [Гиляревский, Старостин, 1985].

(6) *Cranachs Verwandter Matthias Gunderam schrieb 1556 in seiner Biographie, dass Lucas von seinem Vater in der graphischen Kunst ausgebildet wurde [Wege zu Cranach].*

Как писал в 1556 году Маттиас Гундерам, приходившийся Кранаху родственником, юный Лукас обучался изобразительному искусству у собственного отца (перевод наш — Д. К., И. П.).

При переводе антропонимов встретился случай, когда традиционное соответствие в русском языке отсутствует, а прием транскрипции применим только к части имени: в путеводителе упоминается *Meister HL*, живший во первой половине XIV века. Согласно источнику на немецком языке, настоящее имя скульптора и резчика по дереву, подписывавшего свои работы монограммой *HL*, неизвестно [Krummer-Schroth 1990]. Таким образом, *Meister* обозначает род деятельности, а буквосочетание *HL* представляет собой инициалы. В переводе мы использовали соответствие *Мастер Х. Л.*

(7) *Die Werke Cranachs sind Teil einer der weltweit bedeutendsten Sammlungen deutscher Renaissancekunst mit Hauptwerken von Albrecht Dürer, Albrecht Altdorfer und Hans Baldung Grien, der Bildhauer Meister HL und Hans Leinberger sowie mit herausragenden Arbeiten des Kunsthandwerks, darunter der berühmte „Erdapfel“ von Martin Behaim [Wege zu Cranach].*

Работы Кранаха являются частью одного из самых значимых в мире собраний искусства немецкого Возрождения, в котором также представлены работы Альбрехта Дюрера, Альбрехта Альтдорфера, Ханса Бальдунга по прозвищу Грин, скульпторов Мастера Х. Л. и Ганса Лейнбергера, а также выдающиеся образцы декоративно-

прикладного искусства, к примеру, знаменитый глобус «Земное яблоко» Мартина Бехайма (перевод наш — Д. К., И. П.).

Принятые в культуре переводящего языка наименования для произведений искусства, упоминаемых в оригинале – такие, как *der Erdapfel* — глобус «Земное яблоко», *Christus und die Ehebrecherin* — Христос и грешница, *Dessauer Abendmahl* — «Тайная вечеря» из Дессау, *Maria mit dem Kind und dem Johannisknabe* — Мадонна с Младенцем и юным Иоанном Крестителем, — мы находили в виртуальных музеях [Арт-Портал; Музеи мира; Gallerix], на сайтах научно-популярных изданий [КИП] и в научных трудах [Лощилова, Носова 2018].

При поиске мы убедились, что иногда устоявшееся название картины на русском языке существенно отличается от оригинального. К примеру, представленная в путеводителе картина *Verdammnis und Erlösung* (букв. «Проклятие и Избавление») имеет в российской традиции название «Грехопадение, изгнание из Рая и искупительная жертва Христа (Аллегория Ветхого и Нового Завета)» [Лощилова, Носова 2018]. Картина *Lasset die Kindlein zu mir kommen*, название которой отсылает к Евангелию от Матфея, на русском языке озаглавлена «Христос благословляет детей» [Gallerix].

Принятое написание топонимов на русском языке также перепроверялось нами по словарям и справочникам, поскольку в некоторых случаях закрепился вариант, полученный с помощью транскрипции, в других — транслитерации, а в прочих — калькирования: *Schloss Hartenfels* — Замок Гартенфельс [ЭСБЕ]; *Schloss Friedenstein* — замок Фриденштайн [Артхив]; *die Krämerbrücke* — Кремербрюкке, *Severikirche* — Церковь Св. Северина [ЛСС].

Трудности возникли при поиске эквивалентов для лексем *Hofgarten*, *Festungsberg*, *Schlossplatz*, которые упоминаются в следующем контексте (8).

(8) *Über den als Park angelegten Hofgarten ist der Festungsberg mit dem grandiosen klassizistischen und neogotischen Ensemble des Schlossplatzes verbunden [Wege zu Cranach].*

В немецко-русских словарях нами было найдено только соответствие для лексемы *Schlossplatz* — *дворцовая площадь* [УНРС], что позволяет предположить, что это наименование является именем нарицательным, а не именем собственным. Информация о слове *Hofgarten* была найдена в одноязычном словаре, и в соответствии с ней оно тоже представляет собой имя нарицательное: *Garten, Park einer Residenz* – ‘сад, парк при официальной резиденции’ [DWDS]. Соответствий или дефиниций для лексемы *Festungsberg* в рассмотренных словарях найдено не было.

В то же время, в онлайн-путеводителе по городу Кобург упоминаются *холм Фестунгсберг* и площадь *Шлосплатц (Дворцовая)*, упоминаний сада найдено не было [Кобург. Тонкости туризма].

В параллельном немецко-русском корпусе в составе Национального корпуса русского языка лексема *Hofgarten* встречается в пяти документах. Речь в них идет о городах Бонн, Вюрцбург, Дюссельдорф и Мюнхен. Переводчики использовали соответствия *Хофгартен, дворцовый парк, Дворцовый парк, Дворцовый сад*, причем в переводе одного из произведений (Г. Грасс «Жестяной барабан», переводчик С. Л. Фридлянд, 1997) встречаются и вариант «Дворцовый парк», и «Дворцовый сад» [НКРЯ]. Примеров для лексемы *Festungsberg* в параллельном корпусе найдено не было. Лексема *Schlossplatz* встречается в переводах трёх художественных произведений. Соответствия: *дворцовая площадь, Дворцовая площадь*, и, в переводе произведения М. Кольхааса «Генрих фон Клейст» (Н. Ман, 1969), четыре варианта: *двор, замковая площадь, площадь, рыночная площадь*. Таким образом, лексемы *Hofgarten* и *Schlossplatz* передаются в переводе то как имена нарицательные, то как имена собственные.

Поскольку текст оригинала представляет собой путеводитель, в переводе мы совместили прием транскрипции, позволяющий передать звучание названий географических объектов на исходном языке, и прием экспликации:

Через разбитый в виде парка замковый сад Хофгартен можно пройти от холма Фестунгсберг, на котором расположена крепость, к площади Шлосплатц, украшенной

грандиозным ансамблем классической и неоготической архитектуры (перевод наш — Д. К., И. П.).

В целом перевод туристического путеводителя по объектам культурного наследия с немецкого языка на русский представляет собой интересную и сложную задачу. Основная сложность связана с тем, что для целого ряда лексических единиц из текста оригинала, для которых необходимо использовать традиционные эквиваленты, в лексикографических и текстовых источниках на переводящем языке соответствия либо отсутствуют, либо представлены в нескольких различающихся вариантах. В ряде случаев найденные нами источники при ближайшем рассмотрении оказывались результатом автоматического перевода иноязычных страниц онлайн-энциклопедий или страницами из блогов непрофессиональных писателей. Поэтому вопрос о доверии источникам оказывается одним из ключевых при выполнении перевода текста, содержащего большое количество терминов, имен собственных и наименований реалий.

Список сокращений

БРЭ — Большая российская энциклопедия // <https://bigenc.ru/>.

КИП — Научно-популярный журнал «Как и Почему» // <https://kipmu.ru/>.

ЛСС — Германия. Лингвострановедческий словарь // https://germany_de_ru.academic.ru/.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка // <https://ruscorpora.ru/>.

УНРС — Универсальный немецко-русский словарь // https://universal_de_ru.academic.ru/.

ЭСБЕ — Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона // <https://rus-brokgauz-efron.slovaronline.com/>.

DWDS — Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache // <https://www.dwds.de/>.

Источники

Арт-Портал — Образовательно-информационный ресурс Арт-Портал // <https://art.biblioclub.ru/>.

Артхив // <https://artchive.ru/>.

Власов В. Г. Стили в искусстве. Словарь (архитектура, графика, декоративно-прикладное искусство, живопись, скульптура). СПб: ЛИТА, 1998.

Гиляревский Р. С., Старостин Б. А. Иностранные имена и названия в русском тексте. М.: Высшая школа, 1985.

Кобург. Тонкости туризма // <https://tonkosti.ru/>.

Козырева И. В. Немецко-русский словарь-справочник по искусству. М.: РУССО, 2002.

Лютеранство в России // <https://luteranstvo.org/>.

Маркина Л. Г., Муравлёва Е. Н., Муравлёва Н. В. Культура Германии: лингвострановедческий словарь: свыше 5000 единиц. М.: АСТ: Астрель: Хранитель, 2006.

Музеи мира — Онлайн-портал Музеи мира // <https://muzei-mira.com/>.

Смирнова Е. Д., Сушкевич Л. П., Федосик В. А. Средневековый мир в терминах, названиях и именах. Минск: Беларусь, 1999.

Харман — Доклад Д. Д. Харман «Weibermacht: власть женщин в средневековом искусстве. От Филлиды до Юдифи» // <https://hist.hse.ru/announcements/194020275.html?ysclid=loy7r7xlmg793600916>.

Хохлова Е. Л. Словарь исторических терминов, понятий и реалий. М.: Флинта, Наука, 2004.

Adelung — Adelung J.C. Grammatisch-Kritisches Wörterbuch der Hochdeutschen Mundart // <https://www.woerterbuchnetz.de/Adelung>.

Gallerix — Онлайн-музей Gallerix // <https://gallerix.ru/>.

Krummer-Schroth I. Meister des Breisacher Hochaltars // Neue Deutsche Biographie 16, 1990 // <https://www.deutsche-biographie.de/pnd118580388.html#ndbcontent>.

Wege zu Cranach — Wege zu Cranach. Eine Entdeckungsreise. Kronach, 2017 // <https://wege-zu-cranach.de/index.html>.

Литература

Бабаева С. Р. Понятие «культурный туризм», его основные характеристики // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. № 9-2. С. 69-71.

Зарин С. М. Закон и Евангелие по учению господина в Евангелии Матфея. Вып. 2. Объяснения нагорной беседы. Петроград: Синод. тип., 1915 // https://azbyka.ru/otechnik/Sergej_Zarin/zakon-i-evangelie-po-uchenyu-gospoda-v-evangelii-matfeja-5-13-48/.

Зарницкий С.В. Дюрер. Серия биографий «Жизнь замечательных людей» (ЖЗЛ). М.: Издательство «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ», 1984.

Лебедева С. А. Оценка популярности видов туризма среди российских потребителей // Экономика, предпринимательство и право, 2020. № 7. С. 2105-2116.

Лощилова Т. Н., Носова Е. С. Отражение идей Реформации в творчестве Лукаса Кранаха Старшего // Человек и культура, 2018. № 6. С. 10-20.

Майзульс М. Анатомия нидерландского алтаря. 2021 // <https://arzamas.academy/mag/960-triptych?ysclid=lox1c8z4sg439287261>.

Новикова Э. Ю. Дискурсивно обусловленный трансфер в переводе путеводителя // Вестник Волгоградского гос. ун-та, 2014. № 3 (22). С. 60-66.

Филатова Н. В. Жанровое пространство туристического дискурса // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Филологические науки, 2012. № 2. С. 76-82.

Lexical Features of German Tourist Guides and the Difficulties of Their Translation into Russian (Based on the Booklet «Wege zu Cranach: Eine Entdeckungsreise»)

D. A. Kiselev (St Petersburg University)

I. S. Parina (Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod)

The article concerns the lexical features of translating a tourist guide to cultural heritage sites from German into Russian. The original text contains a large number of terms from the field of history and culture, proper names and realia. The main difficulty in translation is due to the fact that, on the one hand, they require the use of traditional correspondences, but, on the other hand, not enough information is provided about them in dictionaries and reference books. The proposed methods to overcome translation difficulties can be used when translating other publications on similar topics.

Keywords: written translation, guidebook, anthroponyms, toponyms, artionyms, terms, realia.

Содержание

Проблемы описания языка

Васильева Н.В. (Институт языкознания РАН) Материалы к Словарю терминов литературной ономастики. Часть 2.....	4
Васильева Н.В. (Институт языкознания РАН), Тритенко Т.В. (Московский государственный медико-стоматологический университет им. А.И. Евдокимова). Термины-мифоэпонимы: проблемы понимания и интерпретации.....	17
Гулыга О.А. (Институт языкознания РАН) Полифония, эвиденциальность, адмиратив как компоненты семантики языковых выражений (на примере перевода монолога Раскольникова — отрывка из романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» — на французский язык).....	30
Дронов П.С. (Институт языкознания РАН). Акцентологическая вариантность фразеологических единиц.....	
Иоанесян Е.Р. (Институт языкознания РАН). Парентетические конструкции в типологическом аспекте.....	
Киселев Д.А. (Санкт-Петербургский государственный университет), Парина И.С. (Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского). Лексические особенности немецких туристических путеводителей и проблема их передачи при переводе на русский язык (на материале издания «Wege zu Cranach: Eine Entdeckungsreise»).....	

Об авторах

Васильева Наталия Владимировна, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора прикладного языкознания Института языкознания РАН; e-mail: vasileva-natalia@iling-ran.ru.

Гулыга Ольга Арсеньевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора романских языков Института языкознания РАН; e-mail: ogulyga@iling-ran.ru.

Дронов Павел Сергеевич, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела теории и практики коммуникации им. Ю. С. Степанова Института языкознания РАН; e-mail: dronov@iling-ran.ru.

Иоанесян Евгения Рафаэлевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора романских языков Института языкознания РАН; e-mail: ioanevg@mail.ru.

Киселев Денис Александрович, студент-магистрант 1 курса филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: bisclavre01@gmail.com.

Парина Ирина Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка для гуманитарных специальностей Института филологии и журналистики Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского; e-mail: parina@fsn.unn.ru.

Тритенко Татьяна Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры латинского языка и основ терминологии, заместитель декана лечебного факультета Московского государственного медико-стоматологического университета им. А.И. Евдокимова; e-mail: tatyana_3t@mail.ru.